

ВЕСТНИК

центра апологетических
исследований

91/23

Подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуды 3)

«НОВЫЙ СВЕТ» СТОРОЖЕВОЙ БАШНИ

Барри Амор

Также в этом выпуске:

- Некоторые наблюдения о постмодернизме, окончание (с. 7)
- Менялось ли христианство со временем? (с. 21)
- Бог белых пятен (с. 24)
- Что нового в текстологии Нового Завета? (с. 26)

Общество Сторожевой Башни (ОСБ)* Свидетелей Иеговы (СИ), наверное, лучше всего известно своей хамелеоновой сущностью. Оно регулярно и часто меняет свои утверждения. Нередко оно называет эти изменения «новым светом»¹ или говорит, что «свет усилился»². Новый свет заменяет прежний свет предыдущих учений. (Как ни странно, ОСБ не использует фразу «прежний свет» — слишком близко по смыслу ко «лжи»?) В оправдание этих постоянных изменений Общество ссылается на один-единственный стих, Притчи 4:18, в котором сказано:

А путь праведных — как свет утренней зари, который становится все ярче и ярче до наступления полудня (НМ).

Они полагают, что данный текст, по существу, дает им право в любой момент изменить любое учение и ожидать, что последователи воспримут эти изменения как волю Иеговы. При этом, как ни странно, ОСБ утверждает, что Иегова «полностью открыл их умы для понимания Писаний»³. Но в таком случае зачем им нужен «новый свет»? В своей статье я рассмотрю несколько фактов, имеющих непосредственное отношение к данному утверждению Общества, чтобы определить, действительно ли «раб» Сторожевой башни «верен и благоразумен».

Конечно, хождение каждого отдельного христианина в Господе представляет собой путь. На этом пути мы постепенно начинаем лучше понимать, что написано в Божьем Слове. Это совершенно естественно и даже необходимо для любого христианина, желающего больше узнать о своем Господе. Однако ОСБ устами своего Руководящего совета (РС) называет себя единственным каналом⁴, который Иегова использует, чтобы говорить со Своим народом, и настаивает на необходимости принимать верой все его учения — в противном случае вы не можете называть себя СИ⁵. Отсюда следует, что, если вы хотите пережить Армагеддон и оказаться на райской земле, вы должны верить всему, что говорит ОСБ, поскольку в битве выживут лишь СИ, которые найдутся у Общества на хорошем счету⁶.

В таком случае разумно предположить, что Иегова должен сделать все возможное, чтобы Его единственный канал хорошо понимал библейские истины и мог раздавать духовную пищу народным массам⁷. В противном случае получилось бы, что Иегова Бог требует от людей верить в заблуждения (прежний свет), чтобы получить Его одобрение. Случись Армагеддон в то время, когда

РС все еще проповедовал ложное учение (до того, как ему на смену пришел «новый свет»), его пережили бы те, кто верил в ложь, а те, кто отказывался верить в ложь, погибли бы. Это совершенно невозможно, ведь «Бог не есть Бог неустройства» (1 Кор. 14:33). Сам РС открыто отрицает свою непогрешимость (т. е. способен ошибаться?) и богодухновенность⁸, а потому не должен требовать абсолютной верности своим учениям в качестве условия спасения⁹.

РС так часто вносил поправки в учение, что в англоязычной Онлайн-библиотеке Сторожевой Башни даже есть специальный раздел «Beliefs Clarified», где по годам перечислены полученные «разъяснения»¹⁰. Правда, даже бегло просмотрев список, вы убедитесь, что многих изменений не хватает, а те, что включены в перечень, относительно безобидны. Поразительно то, с каким упорством ОСБ отрицает эти изменения:

Как мы увидели во 2-й главе этой книги, Исследователи Библии десятки лет говорили о том, что 1914 год будет играть важную роль в исполнении библейских пророчеств. Однако они полагали, что присутствие Христа началось в 1874 году, что он начал править на небе в 1878 году и что Царство обретет полноту власти в октябре 1914 года. Считалось, что жатва будет длиться с 1874 по 1914 год и завершится вознесением помазанных на небо. Дают ли такие ошибочные представления основание усомниться в том, что Иисус вел тех верных служителей посредством святого духа?

Вовсе нет. Вспомним пример, который приводился в начале главы. Разве неверные предположения и многочисленные вопросы туристов о достопримечательностях дают повод усомниться в том, что их гид заслуживает доверия? Ни в коем случае. Подобным образом, попытки служителей Бога понять подробности о намерении Иеговы прежде, чем наступит время, чтобы святой дух подвел их к пониманию этих истин, не означают, что Иисус их не ведет. Осознавая это, верные Богу люди готовы к исправлению и смиренно меняют свои представления (Иак. 4:6)¹¹.

Поскольку некоторые ошибки затрагивали такие важные моменты, как время возвращения Иисуса, время Его воцарения, начало Его правления на небесах, это явно свидетельствует о том, что авторы подобных предсказаний не были водимы Святым Духом, и что доверять им не следует — во всяком случае, если вы ищете истину!

* 20.04.2017 года решением Верховного суда РФ деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории России.

РС претендует на роль верного и благоразумного раба (ВиБР) из Матфея 24:45 и утверждает, что был избран таковым в 1919 году (как утверждает ОСБ, причиной было качество «духовной» пищи, которую РС в то время «раздавал» людям). Перед этим Иисус и Иегова на протяжении пяти лет проверяли разные религиозные деноминации, чтобы определить, кто из них верен и благоразумен, и в результате обнаружили, что требованиям соответствуют только Исследователи Библии (предшественники нынешних СИ)¹².

[Если уж на то пошло, почему Всемогущему Богу и Его Сыну понадобилось целых пять лет, чтобы оценить состояние «храма»? Ведь Иисус знает всех (Ин. 2:24), а Иегову ОСБ считает всеведущим¹³. Разве до 1916 года они не следили за происходящим на земле?!]

Если вы доставите себе труд проверить, чему именно Исследователи Библии учили в то время, когда были избраны за качество раздаваемой духовной пищи, вы обнаружите, что очень небольшая часть тогдашних учений сегодня по-прежнему считается «истиной». Большую их часть уже вытеснил «новый свет» (см. таблицу).

Первая же строчка в таблице обескураживает: с какой стати Иегова выбрал организацию, которая неуклонно учила своих последователей нарушать первую заповедь и поклоняться кому-то другому помимо Иеговы? И почему Ему понадобилось целых 35 лет, чтобы привлечь внимание избранного раба к «новому свету»?

Ошибки?

РС нечасто признается в «ошибках», однако один из таких редких примеров можно найти в СБ за 1972 год²⁵. Но даже здесь они прикрывают свой тыл:

Христианские Свидетели Иеговы. Они с готовностью признают, что допускали ошиб-

ки в учении и поклонении... Делает ли признание ошибок их ложными пророками? Вовсе нет, потому что ложные пророки не признаются в своих ошибках.

Безусловно, авторы этого заявления забыли упомянуть о том, что истинные пророки не ошибаются, потому что их слова исходят от Бога, то есть им попросту не в чем признаваться. Отличительная черта ложного пророка заключается в том, что его предсказания не исполняются, а потому впоследствии их приходится «уточнять». Кроме того, обратите внимание, что вина за ошибки возлагается не на ОСБ и не на РС, а на «Христианских Свидетелей Иеговы». Именно так обычно и поступает ОСБ, перекладывая ответственность на плечи рядовых верующих, но не признавая собственной вины.

На сайте jwfacts.com можно найти список выражений, с помощью которых ОСБ описывает свои ошибки²⁶, и убедиться, что во многих случаях вина возлагается на «ошибочные ожидания» рядовых Свидетелей. Единственное слово, которого вы в этом списке не найдете, — это слово «ложь», хотя, расписывая предполагаемые заблуждения христианского мира, ОСБ не стесняется его использовать.

Двойные стандарты

По всей видимости, пользоваться этим приемом («прежний свет/новый свет») вправе только РС. Когда к нему прибегает кто-либо другой, ОСБ расценивает это как признак лжеучения, которого следует избегать. Прочитированные ниже слова некоего «предпринимателя», опубликованные в журнале «Пробудитесь!» за 23 апреля 1970 года, в полной мере относятся не к католической церкви, а к самому ОСБ:

Скажите мне, — спросил он, — как я могу быть уверен в чем-либо? Как я могу верить

«Свет» в 1919 году	«Новый свет»
Иисусу следует поклоняться так же, как Иегове ¹⁴ .	Иисусу поклоняться не следует ¹⁵ .
Последние дни начались в 1799 году ¹⁶ .	Последние дни начались в 1914 году ¹⁷ .
Присутствие Иисуса началось в 1874 году ¹⁸ .	Присутствие Христа началось в 1914 году ¹⁹ .
Иисус взошел на трон в 1878 году ²⁰ .	Иисус взошел на трон в 1914 году ²¹ .
Завершение земной системы вещей и воскресение «достойных» произойдут в 1925 году ²² .	Сегодня даты этих событий не называются, но в прошлом несколько раз переносились на 1940-е, на 1975 и на 2000 годы.
Иисус умер на кресте, и символ креста широко использовался в литературе ОСБ ²³ .	Учение изменилось в 1928 году, но лишь в 1931 году изображение креста убрали с обложки журнала «Сторожевая башня» ²⁴ .

в Библию, в Бога, верить вообще? Всего десять лет назад у нас, католиков, была абсолютная истина, и мы всем сердцем верили в нее. Теперь же папа и наши священники говорят нам, что так больше верить нельзя, но нужно верить в «новое». Откуда мне знать, не станет ли еще что-то «новое» истиной через пять лет?

Если вы католик, понятно ли вам, каким образом практика, которую церковь считала «смертным грехом», внезапно может получить одобрение? Если это было грехом пять лет назад, почему сегодня это не так? Многие католики не понимают.

Аналогичное замечание безымянного «католического священника» было приведено в «Сторожевой башне» за 1975 год²⁸:

Как выразился один католический священник из Соединенных Штатов, «если то, что церковь сказала за последние десять лет, правда, то все, что она говорила последние 2000 лет, — ложь».

Под раздачу попали даже мормоны (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней), когда в журнале «Сторожевая башня» за 2013 год²⁹ были процитированы слова одного мормона, ставшего Свидетелем Иеговы:

Я старался глубже вникнуть в учения своей церкви и беседовал с ее руководителями. Они говорили, что ответы на мои вопросы — это тайна, которая откроется со временем, когда свет засияет ярче.

История

Приверженность Исследователей Библии идее «нового света» была так сильна, что первое специально построенное в 1890 году здание они называли «Церковью нового света» (здание находилось в г. Маунт-Лукаут, штат Западная Виргиния, и простояло лишь до 1920-х годов)³⁰.

Любопытно, что ранние приверженцы Сторожевой Башни, в особенности при Чарльзе Тэйзе Расселле (ЧТР), основателе Исследователей Библии, довольно много говорили о «новом свете», однако их высказывания не всегда были позитивными:

Если бы мы следовали за человеком, вне всякого сомнения, у нас все было бы иначе; одна человеческая идея, несомненно, противоречила бы другой, и то, что было светом один год, два года или шесть лет назад, теперь счи-

талось бы тьмой: но в Боге нет ни изменения, ни тени перемены, и с истиной дело обстоит точно так же; всякое знание и всякий свет, исходящие от Бога, должны быть подобны своему автору. Новые представления об истине никогда не могут противоречить прежней истине. «Новый свет» никогда не угашает более старый «свет», но дополняет его³¹.

Думаю, с таким исповеданием веры в непогрешимость Бога и Его Слова мы все согласимся.

В 1923 году в журнале «Сторожевая башня» появилось следующее утверждение:

Те, кому присуща нездоровая жажда новизны, проявляют природную склонность отрицать или пересматривать истины, которых они прежде придерживались³².

Последняя цитата особенно интересна, поскольку была опубликована в период, когда организацией руководил «судья» Рутерфорд — человек, приложивший много сил для того, чтобы избавиться от целого ряда учений, которые проповедовал ЧТР.

Из приведенных выше слов Расселла любому, кто способен мыслить логически, должно быть понятно, что «прежний свет» не может быть ошибочным, а может быть только неполным. Например, если вы понимаете, что Иисус должен вернуться, «новый свет» может объяснить, как именно это произойдет, но не может отрицать Его возвращение. Однако история Сторожевой Башни знает много случаев, когда «новый свет» прямо противоречил прежнему (возьмите хотя бы изменение учения о поклонении Христу). Кроме того, в нескольких случаях «прежний свет» сменялся «новым» лишь на несколько лет, после чего организация вновь возвращалась к «прежнему свету».

Например, по меньшей мере с 1961³³ по 1967 год считалось, что пересадка человеческих органов «не затрагивает никакие библейские принципы», и подобные операции были разрешены. Однако в 1967 году ОСБ решило³⁴, что пересадка органов равнозначна людоедству, и запретило ее³⁵. А в 1980 году в рядовой статье из рубрики «Вопросы читателей» «старый свет» был реабилитирован, и пересадку донорских органов снова разрешили, потому что против таких операций «нет библейских заповедей»³⁶. При этом организация не принесла извинения тем, кто отказался от пересадки и умер, повинувшись «новому свету». Более того, ОСБ даже не сочло нужным упомянуть, что ее учение претерпело очередное уточнение! Сколько людей покинуло организацию в результате этой чехарды «старо-

го» и «нового света», доподлинно не известно, однако многие, наверняка, были по меньшей мере обескуражены!

Еще один пример — толкование фразы «высшие власти» в Римлянам 13:1. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что речь идет о земных правительствах, однако ОБС несколько раз меняло мнение по данному вопросу. До 1929 года³⁷ они все понимали правильно, потом решили, что высшие власти — это Иисус и Иегова³⁸, но в 1962 году вернулись к первоначальному варианту³⁹. Как ни удивительно, они еще и уверяют, что очевидная ошибка, допущенная в 1929 году, «помогала служителям Бога сохранять в трудное время бескомпромиссную нейтральную позицию»⁴⁰.

Последнее изменение толкования Римлянам 13:1 вызвало понятную сумятицу — особенно в среде советских СИ, многие из которых не смогли смириться с тем, что РС обязывает их подчиняться властям, и покинули организацию. Этот факт впоследствии признало само ОСБ⁴¹. Аналогичным образом отреагировали румынские СИ, которые из-за гонений и запретов тоже много лет не имели связи с зарубежными братьями. «Новый свет» спровоцировал глубокий раскол в их рядах и, несмотря на встречу с представителями РС в 1989 году, многие румынские верующие покинули ОСБ и в 1992 создали собственное движение *Credința Adevărată Martorii lui Iehova* («Истинная вера Свидетелей Иеговы»)⁴².

Если верить РС, изменение в толковании 13-й главы Послания к римлянам объясняется выходом в свет Перевода нового мира, поскольку «подготовка к нему потребовала тщательного изучения языка оригинала» и привела к появлению «более ясного взгляда, чем тот, которого придерживались при Ч. Т. Расселле»⁴³. Однако возникает естественный вопрос: неужели до этого организация 40 с лишним лет не занималась «тщательным» изучением Писания? Более подробную статью о «высших властях», а также описание других изменений можно найти на сайте Центра апологетических исследований⁴⁴.

Апологетика

Очевидно, что ОСБ пытается оправдать регулярное появление «нового света», — например, в декабрьском выпуске журнала «Сторожевая башня» за 1981 года говорится, что без аналогичного «нового света» не могли обойтись выдающиеся библейские герои, такие как Авраам, Даниил, Иисус, апостолы и Иоанн Креститель. В статье утверждается, что все перечисленные получали «новый свет» по мере того, как их разумение возрастало.

Но если прочитать соответствующие библейские тексты, становится понятно, что ни в одном случае библейские герои не делали утверждений, которые впоследствии приходилось бы редактировать или брать назад. Просто до определенного момента они чего-то не знали. Есть огромная разница между тем, кто чего-то не знает и терпеливо ждет откровения, и тем, кто чего-то не знает, но продолжает делать опрометчивые заявления, утверждая при этом, что говорит от имени Бога.

В качестве примера такого «нового света» ОСБ ссылается на то, что Иисус не знал ни дня, ни часа Своего возвращения. По их мнению, это означает, что Иисус не до конца понимал намерения Своего Отца. Однако Спасителю было прекрасно известно все — кроме даты. Поэтому Он не называл никаких дат, а просто велел нам быть готовыми в любой момент. Свидетелям Иеговы, которые много раз называли сроки конца, не помешало бы поучиться у Него смирению.

Ждать Иегову

Во многих статьях ОСБ призывает СИ «ждать Иегову», т. е. не торопиться и не делать поспешных выводов. Например, в журнале «Сторожевая башня» за октябрь 1999 года говорилось:

Поэтому нам не нужно чрезмерно беспокоиться и переживать, что некоторые вопросы полностью не разъяснены. Мы можем быть уверены, что, если с терпением ждем Иегову, он «вовремя» предоставит необходимую информацию через верного раба⁴⁶.

По существу, это означает, что ждать «верного раба» (РС) и ждать Иегову — одно и то же. В статье говорится, что «раб» предоставит необходимую информацию «вовремя», однако, по их собственному признанию, никаких гарантий своевременности быть не может, поскольку информация нуждается в регулярном обновлении.

Истинный свет

Текст Притчей 4:18 устанавливает предел того, как долго будет нужен «новый свет»: «...до наступления полудня» (НМ). Но когда ожидать его наступления? Иисус называл Себя «светом миру» (Ин. 8:12) и говорил, что Его последователи «не будут ходить во тьме». В Иоанна 1:9 также сказано, что Иисус был «Свет истинный», который «просвещает всякого человека» («светит самым разным людям» [НМ]), «во тьме светит, и тьма не объяла его» («сияет во тьме, и тьма его не поглотила» [НМ]).

Таким образом, Иисус и есть свет, которого мы ждали. Иисус, а не какая-то постоянно ошибающаяся группа людей, взгляды которой нуждаются в постоянном уточнении. Для того, чтобы найти свет и ходить в свете, нам следует смотреть на Иисуса, а не на людей. Он неизменен, «все тот же — вчера, сегодня и вечно» (Евр. 13:8 НМ), поэтому Его учение тоже не меняется.

Вывод

ОСБ утверждает, что говорит от имени Иеговы как Его современный канал, поэтому разумно было бы ожидать, что Бог должен позаботиться о том, чтобы в богословии организации не было никаких ошибок. Однако Общество допускает ошибки — ведь то, что они говорили вчера, нуждается в регулярном обновлении и завтра может кардинально измениться. Такое положение вещей идет вразрез с идеей божественного канала. Они искали в Писании какое-нибудь оправдание и полагают, что нашли его в Притчах 4:18, словно этот текст дает им право говорить все, что вздумается, а потом в любой момент изменить свои взгляды и при этом сохранить статус канала Иеговы. Но если непредвзято изучить ситуацию, становится понятно, что идея «нового света» не подходит на роль индульгенции — тем более, что они сами пользуются ей неразумно и неосмотрительно. Бог даровал нам истинный свет миру, Христа. В Нем мы находим всякую истину, и каждый, кто не прислушивается к Нему, ходит во тьме (Ин. 8:12).

Примечания

1. Сторожевая башня 15.05.1995, с. 11.
2. Там же, с. 20.
3. Сторожевая башня 01.08.2003, с. 15.
4. Сторожевая башня 07.2020 (выпуск для изучения), с. 24. Так в английском оригинале («We also need to trust in the only channel that Jehovah is using today»). В русском переводе эта фраза существенно смягчена («Также важно доверять верному и благоразумному рабу и не сомневаться, что именно через него Иегова руководит своей организацией»).
5. *Watchtower* 01.04.1986, p. 31.
6. Сторожевая башня 01.05.1999, с. 13.
7. Сторожевая башня 15.07.2013, с. 22.
8. Сторожевая башня 02.2017 (выпуск для изучения), с. 26-27; *Awake!* 22.03.1993, p. 3.
9. *Our Kingdom Ministry* 11.1990.
10. URL: wol.jw.org/en/wol/d/r1/lp-e/1200277174; wol.jw.org/en/wol/d/r1/lp-e/1200028612.
11. Царство Бога правит! (Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2014), с. 49.
12. Сторожевая башня 15.07.2013, с. 11-12.
13. Пробудитесь! 08.03.2005, с. 20.
14. *Watchtower* 11.1880, p. 144; *Watchtower* 15.07.1898, p. 2337; 1945 WTBTs Articles of Amendments.
15. *Watchtower* 01.01.1954, p. 31.
16. *The Finished Mystery* (Peoples Pulpit Association, 1917), p. 60; URL: www.gutenberg.org/files/46016/46016-pdf.pdf.
17. *Awake!* 22.01.1973, p. 8.
18. *The Finished Mystery*, p. 68.
19. *Watchtower* 15.01.1993, p. 5.
20. *The Time Is at Hand* (Watch Tower Bible and Tract Society, 1889) p. 239.
21. Сторожевая башня 15.01.2014, с. 12-13.
22. *Millions Now Living Will Never Die* (International Bible Students Association, 1920), p. 88; Свидетели Иеговы — возвестители Царства Бога (Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2005), с. 425.
23. *Life* (International Bible Students Association, 1930), p. 216.
24. Обложки журнала «Сторожевая башня» до 1931 года; *Watchtower* 11.10.1931; Царство Бога правит (Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2014), pp. 104-105.
25. *Watchtower* 01.11.1972, p. 644.
26. URL: jwfacts.com/watchtower/light-gets-brighter.php
27. *Awake!* 23.04.1970, pp. 8-9.
28. *Watchtower* 01.06.1975, p. 324.
29. Сторожевая башня 01.02.2013, с. 9.
30. Царство Бога правит, с. 204.
31. *Watchtower* 02.1886, p. 188.
32. *Watchtower* 01.09.1923, p. 261.
33. *Watchtower* 01.08.1961, p. 480.
34. *Watchtower* 15.11.1967, p. 703.
35. *Awake!* 08.06.1968, p. 21.
36. *Watchtower* 15.03.1980, p. 31.
37. *The Divine Plan of the Ages* (Watch Tower Bible and Tract Society, 1913), p. 250; URL: archive.org/details/TheDivinePlanOfTheAgesAndTheGreatPyramid.
38. *This Means Everlasting Life* (Watch Tower Bible and Tract Society, 1950), p. 197; URL: archive.org/details/thismeanseverlas0000watc.
39. *Life Everlasting — In Freedom of the Sons of God* (Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 1966), p. 189; Сторожевая башня 15.02.2006, с. 29-30.
40. Сторожевая башня 01.05.1996, с. 13-14.
41. Пробудитесь! 22.10.2000, с. 22.
42. URL: en.wikipedia.org/wiki/Jehovah%27s_Witnesses_splinter_groups
43. Сторожевая башня 01.05.1996, с. 14.
44. С-063 Делозиер, Роджер. Свидетели Иеговы и «высшие власти»
45. *Watchtower* 01.12.1981, pp. 16-17.
46. Сторожевая башня 01.10.1999, с. 5-6.

Оригинал статьи опубликован на сайте служения
Reachout Trust (reachouttrust.org).
Все права принадлежат автору.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Томас Хау

(Окончание, начало в выпусках №№89 и 90)

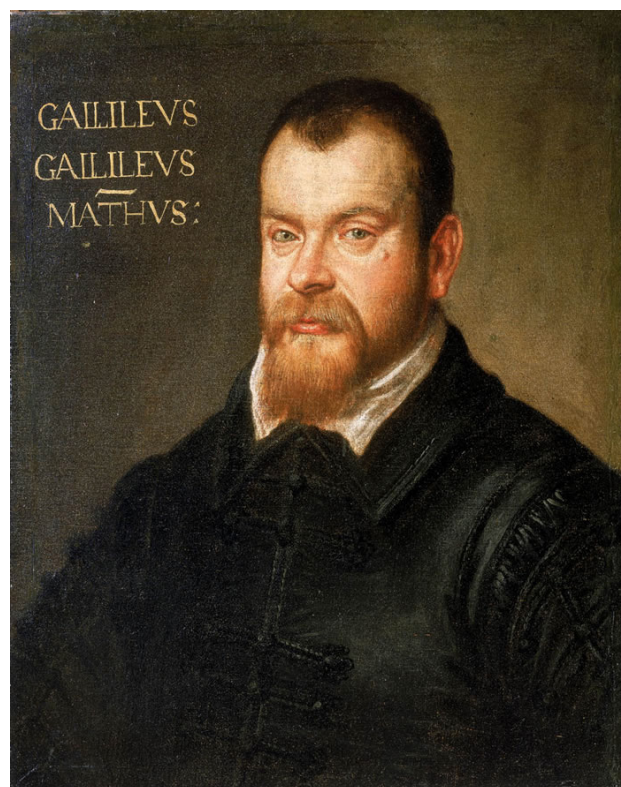
Постмодернистская научная революция

Характеризуя естественные науки, Гренц делает несколько замечаний, связанных с отдельными теориями и предположениями. При этом он либо преувеличивает их значимость, либо искажает их историю. Например, его рассуждения о Галилее исторически неправильны. Он пишет: «Новаторство Галилея заключалось в его попытке истолковать мир со строго количественной точки зрения. Эксперименты, результаты которых поддаются количественному измерению (т. е. представляют собой цифры, а не качественные оценки), стали основным методом зарождающегося научного подхода» (50). В своем трактате «Пробирных дел мастер» Галилей заявил: «Философия написана в величественной книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки ее — треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту»⁸⁹. Однако Алистер Кромби доказал, что Роберт Гроссетест в конце XII — начале XIII века уже видел связь между математикой и физикой. Возможно, Галилей применил этот подход к астрономическим наблюдениям, но первооткрывателем экспериментальной, квантитативной науки он, вопреки утверждению Гренца, не был.

В чем тут проблема? Гренц полагает, что «инновация» Галилея отчасти послужила причиной негативной реакции церкви на его публикации. Между тем, Гроссетест сформулировал научно-математическую методологию в период наи-

высшего расцвета Средневековья и не навлек на себя ни малейшей критики со стороны церкви. Иными словами, церковь не видела никаких принципиальных проблем в этом открытии. Осуждение Галилея в 1663 году было обусловлено множеством факторов — как политических и личных, так и богословских. Однако ни один из этих факторов не был связан с экспериментально-математическим научным подходом⁹⁰.

Гренц упоминает о важности принципа неопределенности Вернера Гейзенберга для постмодернистского восприятия науки. Дело в том, что квантовая физика (следуя популярному изложению Копенгагенского толкования) в своем понимании квантовых событий исходит из принципа дополнительности (комплементарности). Скорость перемещения и положение кванта

Доминико Тинторетто. Галилео Галилей (1602-1607)

энергии невозможно определить с беспредельной точностью одновременно — можно либо точно определить его положение, но не скорость, либо скорость, но не положение. Проблема в том, что, поскольку в соответствии с данной теорией (причем в довольно свободном изложении) в количественном отношении перемещение энергии проявляет свойства частиц материи, а в качественном — свойства волны (Р. Фейнман в шутку назвал этот феномен «волницей»), попытка определить положение кванта влечет за собой коллапс волновой функции, в результате чего измерить скорость с беспредельной точностью невозможно. Если измерить скорость кванта, его положение невозможно определить с беспредельной точностью. Таким образом, следуя популярной интерпретации, имеет место комплементарность явлений, которая выглядит — по крайней мере, на макроуровне — несовместимой. Тем не менее, считается, что эти явления сосуществуют. Имеет место комплементарное сосуществование видимо несовместимых условий.

Пытаясь перенести эту идею на философскую почву, постмодернисты полагают, что она описывает природу всей действительности. Иначе говоря, если комплементарное сосуществование видимо несовместимых условий имеет место на самом базовом уровне материального мира, то должно иметь место комплементарное сосуществование во всей реальности, будь то материальной или бесплотной. Это выглядит как научное доказательство того, что истины, видимо противоречащие друг другу, могут сосуществовать. В определенном смысле постмодернизм продвигает идею, согласно которой сосуществование несовместимых точек зрения возможно и необходимо.

Между тем, Гренц и его единомышленники не показывают связь между принципом неопределенности Гейзенберга и макромиром, в котором разные точки зрения реально существуют. Оттолкнувшись от поверхностного понимания этого принципа, постмодернисты пришли к поспешному заключению, что наблюдатель непременно влияет на результаты наблюдения и искажает их, что и приводит — во всяком случае, отчасти, — к появлению противоречащих друг другу точек зрения. Как выразился Гренц: «В наблюдениях, осуществляемых на субатомном уровне... мы не можем четко разделить наблюдаемый объект и наблюдающий субъект. Это опровергает модернистское допущение, будто в природе существуют „факты“ независимые от конкретного наблюдателя»⁹¹.

Однако ученые-практики с такими выводами не согласны. Как отмечает Генри Шэйфер: «Что бы там ни говорили специалисты в об-

ласти философии науки, большинство ученых-практиков остаются реалистами — и не только в отношении онтологического статуса квантового мира, но и в отношении научного знания»⁹². Кроме того, как пишет Алан Сокаль, «постмодернистские рассуждения о квантовой механике... [обычно] путают технический смысл таких понятий, как „неопределенность“ или „дискретность“, с обыденным пониманием этих слов»⁹³. Шэйфер с помощью удачной иллюстрации помогает понять, чем отличается особый смысл, который вкладывает в термин «неопределенность» квантовая физика.

Для тех, кто не принадлежит к числу физиков или химиков, позвольте мне в двух словах отметить, что следствия принципа неопределенности для макрообъектов (таких, как человеческое тело) настолько малы, что их невозможно разглядеть. Достаточно привести один пример из тех времен, когда я преподавал физическую химию в Беркли. Предположим, у нас есть автомобиль «Хонда Сивик» (он весит приблизительно 1 т), и мы определяем скорость, с которой он движется, с точностью до одной миллиардной мили в час (т. е. 0,0000000016 км/ч) — очевидно, большей, чем доступна для современных средств измерения. Учитывая такую неопределенность скорости, какова неопределенность положения машины? Принцип Гейзенберга подсказывает нам, что неопределенность положения «Хонды Сивик» составляет приблизительно одну миллиардную одной миллиардной одной миллиардной метра (т. е. 0.000000000000000000000000000001 м)⁹⁴.

Суть в том, что в квантовой физике термин «неопределенность» означает отсутствие беспредельной точности, а не сомнение или недостаток знаний вообще.

В соответствии с принципами квантовой механики, любое наблюдение в какой-то степени (неуловимой, если речь идет о макрообъектах, видимых человеческому глазу) нарушает состояние системы. Но это вовсе не означает, что наблюдатель может получить любые результаты, какие ему только заблагорассудится. Исходя из принципов квантовой механики, мы не можем предсказать результат конкретного эксперимента с абсолютной точностью. Но это вовсе не означает, что вероятность всех результатов одинакова. Квантовая механика точно объясняет нам, как вычислить вероятность получения того или иного результата. Утверждение, будто в соответствии с принципами квантовой механики можно получить любые результаты, не соответствует действительности — поэтому квантовая механика не имеет ничего общего с представлениями о

том, что экспериментатор может вмешиваться в ход эксперимента для достижения желаемого результата. Используя уравнения квантовой механики, можно точно высчитать возможные значения того, что является объектом наблюдения. Наблюдаются лишь эти значения, предсказанные квантовой механикой. Нельзя, ссылаясь на квантовую механику, утверждать, будто объект наблюдения может принимать значения, нужные экспериментатору. Из принципов квантовой механики не следует, что реальность зависит от желания экспериментатора. В силу названных здесь причин лишь очень немногие ученые благосклонно относятся к субъективному (или постмодернистскому) толкованию принципа неопределенности Гейзенберга. Ученые убеждены, что существует знание, а не просто подборка нарративов; что существует реальность, не придуманная людьми, и что существует истина. Все это вовсе не человеческие измышления⁹⁵.

Ссылаясь на рассуждения Томаса Куна или на тезис Дюэма-Куайна, Гренц преувеличивает практическую значимость этих идей или забывает упомянуть о том, что они либо подвергались жесткой критике, либо в целом не были приняты научным сообществом. Релятивизм тезиса Куна о несоизмеримости научных парадигм продемонстрировали и убедительно опровергли Харви Зигель, Джеймс Харрис, Джордж Кувалис и другие⁹⁶.

Алан Сокаль аргументированно показал, что для постмодернистских теорий характерны неправильное понимание научных принципов и последовательно неправомерное использование источников. Он приводит примеры «неоднократных злоупотреблений идеями и терминами, заимствованными из математики и физики». Нижеследующая цитата из его книги описывает, хотя и несколько пространно, конкретные ошибки, которые авторы-постмодернисты допускают, когда речь заходит о естественных науках.

Слово «злоупотребление» в данном случае означает одно или несколько перечисленных ниже действий.

(1) Пространные разглагольствования о научных теориях, о которых говорящий имеет в лучшем случае крайне туманное представление. Самая распространенная тактика — использовать научную (или псевдонаучную) терминологию, не слишком заботясь о том, что эти слова на самом деле означают.

(2) Перенесение идей из области естественных наук в сферу гуманитарных или

общественных наук, не имея тому хотя бы малейших концептуальных или эмпирических оправданий. Если бы некий биолог захотел в своих исследованиях воспользоваться началами математической топологии, теории множества или дифференциальной геометрии, его попросили бы объяснить причину своих намерений. К широким аналогиям его коллеги отнеслись бы без особого интереса. Здесь же, напротив, мы узнаем от Лакана, что структура невротического субъекта в точности тождественна тору (и это подлинная реальность — ничуть не меньше, см. с. 20), от Кристевой — что можно рассуждать о поэтическом языке в терминах мощности континуума (с. 40), а от Бодрийяра — что современная война ведется в неевклидовом пространстве (ст. 148), — и все это без каких-либо пояснений.

(3) Демонстрация поверхностной эрудиции, бессовестное разбрасывание технических терминов в контексте, к которому они не имеют совершенно никакого отношения. Вне всякого сомнения, это делается с целью поразить и даже смутить читателя, незнакомого с естественными науками. Даже некоторые рецензенты из академических и журналистских кругов попадают на эту уловку: Ролана Барта впечатлила точность исследований Юлии Кристевой (с. 38), а газета «Монд» восхищается эрудицией Поля Вирильо (с. 169).

(4) Оперирование фразами и предложениями, которые в действительности лишены смысла. Некоторые авторы буквально упиваются словесными конструкциями, при этом нисколько не заботясь об их осмысленности. Они высказываются с самоуверенностью, намного превосходящей их научную компетентность. Лакан хвалится тем, что пользуется «самыми свежими достижениями в области топологии» (с. 21-22), а Латур задумывается о том, не научил ли он чему-нибудь Эйнштейна (с. 131). Возможно, они воображают, будто могут воспользоваться престижем естественных наук с целью придать собственным словам вид точности. И, похоже, они уверены, что никто не обратит внимание на подобное злоупотребление научными идеями. Никто не закричит, что король голый⁹⁷.

Как уже было отмечено выше, популярные представления о том, что Эпоха Просвещения была «эпохой рассудка», ошибочны. Гренц бездумно тиражирует пресловутые популярные

представления и, пытаясь продемонстрировать центральную роль разума в Просвещении, пишет: «Во времена, предшествовавшие эпохе модерна, в роли высшего арбитра истины выступало божественное откровение»⁹⁸. Однако это мнение опровергается высказываниями двух выдающихся мыслителей Средневековья, Блаженного Августина и Фомы Аквинского. Августин писал: «В Евангелии не прочесть, будто Господь сказал: пошлю вам Утешителя, Который наставит вас о пути Солнца и Луны. Ибо Он хотел сделать их христианами, а не математиками»⁹⁹. Иными словами, цель Евангелий — не отвечать на вопросы о математике и не разъяснять математические правила.

Аналогичным образом Аквинат писал: «Как учил Августин, при обсуждении такого рода вопросов надлежит соблюдать два правила. Первое заключается в том, чтобы неукоснительно держаться истины Священного Писания. Второе же связано с тем, что коль скоро Священное Писание может быть истолковано в различных смыслах, не должно излишне твердо прилепляться к какому-нибудь одному из них; по крайней мере, нужно быть готовым к тому, чтобы отказаться от него в том случае, если более тщательное исследование истины его ниспровергнет, иначе Писание может быть осмеяно неверующими, что [в свою очередь] может закрыть перед ними путь веры»¹⁰⁰. Аквинат имеет в виду, что в ситуации, когда Писание можно толковать по-разному, а окончательное объяснение в настоящий момент недоступно, следует считать свое толкование предварительным — в противном случае, если естественные науки или какие-то иные дисциплины обнаружат истины, противоречащие нашему толкованию, мы можем опорочить Писание, создав у людей впечатление, будто в священном тексте есть ошибки.

Также Аквинат писал: «Когда философы единодушны в каком-то утверждении, и оно не противоречит нашей вере, безопаснее всего, по моему мнению, ни делать такое утверждение догматом веры, даже если философы представляют его как таковой, ни отвергать его, словно оно противоречит вере, чтобы не дать мудрецам этого мира повод насмеяться над нашей верой»¹⁰¹. Иначе говоря, суждения, если они не касаются вероучительных или нравственных вопросов, можно считать истинными, даже если они не подкреплены библейскими догматами.

Во всех упомянутых примерах Писание не воспринимается как высший арбитр истины в тех вопросах, о которых Писание ничего не говорит. Слово Божье безошибочно во всех истинах, которые в нем излагаются (идет ли

речь о вере, нравственности, естественных науках, философии, истории, математике и т. п.), однако Слово Божье — не научный трактат и не диссертация по квантовой физике. Вопреки мнению Гренца, Писание вовсе не считали высшим арбитром всякой истины по любому вопросу. И нигде это не проявилось так очевидно, как в случае с Галилеем, когда даже Роберт Беллармин (Роберто Франческо Ромоло Беллармино, 1542–1621), один из основных участников суда над Галилеем, итальянский иезуит и кардинал римско-католической церкви, профессор богословия, а впоследствии ректор римского колледжума и архиепископ Капуанский, писал:

3. По-моему, если бы кто-то достоверно продемонстрировал, что солнце находится на небесах напротив мира и земли, и что не солнце обращается вокруг земли, а земля вокруг солнца, было бы необходимо очень вдумчиво объяснить тексты Писания, которые, по-видимому, утверждают обратное, и, скорее, признать, что мы не понимаем этого [*intendiamo*], нежели заявить, что продемонстрированное ложно¹⁰².

Видимые противоречия между Библией и естественными науками воспринимались не как ошибки в тексте, а как недостатки нашего понимания текста. Когда речь зашла о гелиоцентрической системе, кардинал Беллармин признал, что церкви придется внести поправки в свое понимание Писания, если Галилей сможет привести достаточные доказательства правильности модели Коперника. Однако у Галилея попросту не нашлось достаточных доказательств. Учение Коперника действительно исправляло недостатки Птолемея, однако Тихо Браге тогда же предложил собственную модель, которая тоже исправляла недостатки концепции Птолемея, но при этом оставляла землю в центре. Все эти теории свидетельствуют о том, что характеристика, которую Гренц дает средневековым представлениям, представляет мышление людей того времени в искаженном свете.

Позволяя себе такие комментарии, как «люди смогли перестать думать о себе как о тварных существах, подвластных Богу»¹⁰³, Гренц также преувеличивает антирелигиозные настроения философов эпохи Просвещения. Вопреки утверждению Гренца, Портер отмечает:

Между тем, важно подчеркнуть, что спектр отношений к вере в эпоху Просвещения

был весьма широк. Очень немногие мыслители желали заменить религию совершенным неверием. Прежде всего, большинство из них верило, что естественные науки и философия, пусть даже они бросают тень сомнения на существование конкретно христианского, библейского, антропоморфного «Бога чудес», тем не менее, указывают на существование некоего верховного Божества, сверхъестественного Творца, Художника, некоего Разума. Даже скептик Юм считал невозможным, чтобы упорядоченность космоса возникла по случайному стечению обстоятельств из чисто хаотичного движения материальных атомов... Более того, многие философы, враждебно относившиеся к «жречеству» и высокоцерковной помпезности, сами были набожны. Швейцарские протестантские философы были известны собственной рациональной верой¹⁰⁴.

Безусловно, среди мыслителей Просвещения были и противники религии, но гораздо чаще встречались антиклерикалы. В большинстве своем они выступали не против религии в целом или христианства в частности, а против церкви как института¹⁰⁵.

Характеристика философии эпохи Просвещения, которую дает Гренц, также неточна, а его объяснения относительно отправной точки рассуждений Декарта показывают, что он не понимает философских тонкостей, поскольку не получил соответствующего образования. Гренц утверждает, будто систематические сомнения, которым Декарт подвергал все, привели его к «выводу, что существует по крайней мере одна вещь, в которой не может усомниться ни один мыслящий субъект, — а именно, в своем собственном существовании»¹⁰⁶. Однако вывод Декарта был совсем иным, и сама формулировка *cogito* доказывает это: «Мыслю, следовательно, существую». По мнению Декарта, сомнению не подлежал отнюдь не факт его существования. Как следует из текста *cogito*, он выводил заключение о своем существовании из того факта, что он сомневается и мыслит: «Мыслю, следовательно, существую». Несомненными для Декарта были его сомнения, а не его существование. К выводу о своем существовании он пришел на основании того, что не мог усомниться в том, что сомневается. Поскольку человек должен существовать, чтобы сомневаться, отсюда следует вывод: «Поскольку я, несомненно, сомневаюсь, я должен существовать». Кому-то этот нюанс может показаться незначительным, однако на

Франс Халс. Рене Декарт (1648)

самом деле он очень важен — во всяком случае, именно он мгновенно стал причиной шквала критики, которую на Декарта обрушили современники, причем доводы критиков повторяются даже в современных работах, посвященных анализу картезианства¹⁰⁷.

Гренц характеризует картезианское наследие как рационализм, оказавший «безграничное влияние на всех последующих мыслителей»¹⁰⁸. Он даже позволяет себе утверждать, будто «в атмосфере Пробуждения единственной альтернативой подобному рационализму могло быть лишь отрицание того, что разум как таковой способен привести к познанию вечных реалий»¹⁰⁹. Однако он забывает о целой традиции эмпиризма, который был диаметральной противоположностью рационализма той эпохи. Как мы уже отметили выше, Вольтер в своем «Кандиде» высмеивал рационализм Лейбница. Вне всякого сомнения, Декарт оказал огромное влияние на современную философию, однако его влияние заключается совсем не в том, о чем пишет Гренц. Влияние Декарта проявляется, главным образом в трех моментах.

1. Современная философия обязана Декарту своей методологией «начинания заново». Почти все философы после Декарта, следуя его примеру, начинали выстраивать свою систему с азав.
2. Исходная посылка Декарта, в соответствии с которой философия должна начинаться с эпистемологии, задала вектор всего

дальнейшего развития философии. Все последующие философы, будь то эмпирики или рационалисты, начинали выстраивать свою систему с попытки объяснить феномен знания.

3. Все философы явно или тайно согласились с исходной посылкой Декарта, что реальность, лежащая за пределами нашего времени, состоит из тел, имеющих протяженность в пространстве. Из этого раздвоения разума и дела с необходимостью следовало, что, какое бы эпистемологическое объяснение ни предложил философ, его система обязательно будет некоей разновидностью репрезентационизма, т. е. в основу ее будет положено допущение, что все существующее в нашем разуме представляет собой некое представление о мире, лежащем за пределами разума.

Однако существует много способов решения философских вопросов, которые не попадают в категорию рационализма как его понимает Гренц.

Гренц пишет: «Теоретики эпохи Просвещения полагали, что соответствие между структурой мироздания и структурой человеческого разума позволяет разуму выявить структуру, присущую внешнему миру»¹¹⁰. Однако это даже не было основой картезианского метода. По мнению Декарта, мир познаваем потому, что Бог вложил в наш разум врожденные идеи, а не по причине некой изоморфности разума и мироздания. По мнению Локка, мир познаваем потому, что разум создал ментальную копию всего, что было воспринято органами чувств. Он различал первичные и вторичные свойства, причем считал, что последние вещи на самом деле не присущи. Судя по всему, Гренц переносит на эпоху Просвещения некую форму Расселовского логического атомизма из более поздних времен.

Одна из проблем, которые порождает такого рода ошибочное понимание эпохи Просвещения и модернизма, заключается в способности отличить всеобщие и абсолютные факты от преходящих идей, свойственных той или иной эпохе. На это явно указывает, например, такое заявление: «Разум нового времени, оставивший позади эпоху Просвещения, исходит из того, что знание достоверно, объективно и благотворно. Он предполагает, что рациональное, бесстрастное я способно такое знание получить. Он предполагает, что познающее я смотрит на механистическое мироздание с позиции нейтрального наблюдателя, вооруженного научным методом. Субъект познания но-

вого времени приступает к процессу познания с верой в то, что познание неизбежно приведет к прогрессу, и что наука вкупе с образованием избавит человечество от уязвимости перед природой и от всевозможных социальных уз»¹¹¹. В этой цитате Гренц смешал представления эпохи модерна со всеобщими истинами, справедливыми для любой эпохи. Не потрудившись их разграничить, Гренц намерен отбросить вневременные истины наряду с идеями, которые действительно были порождены эпохой Просвещения и эпохой модерна. Вдобавок, он точно так же игнорирует это различие, когда пытается объяснить суть постмодернизма. Путая рационализм с рациональностью, а самоуверенность эпохи Просвещения с объективностью, он сдается на милость постмодернизма, а в результате капитулирует перед релятивизмом.

Евангелие и постмодернистский контекст

Самой провальной в книге Гренца следует признать последнюю главу, в которой он пытается поместить евангелие в постмодернистский контекст. Он уже согласился с утверждениями постмодернизма, поскольку неправильно понял историю и не сумел увидеть разницу между всеобщим и абсолютным с одной стороны и частным и относительным с другой. Ошибочно приняв идеи Просвещения за всеобщие понятия абсолютной истины и объективности, он поверил, что постмодернизм действительно сумел выйти за рамки этих абсолютов. Он не осознает, что именно эти инструменты — абсолютную истину и объективность, — которые постмодернизм якобы превзошел, и он, и другие постмодернисты вынуждены использовать для того, чтобы распространять свои взгляды. Например, Гренц, по всей видимости, совершенно не в курсе, что научный метод не был изобретением эпохи Просвещения. Да, его использовали и развивали философы того времени, но появился он раньше. Однако Гренц ошибочно полагает, будто все, чем пользовались в эпоху Просвещения, тогда же и возникло, поэтому считает возможным «отбросить принципы Просвещения»¹¹², в то время как сам вынужден пользоваться этими же принципами, чтобы их отбросить.

Гренц пишет: «Мыслители-постмодернисты справедливо предупреждают нас о наивности попыток эпохи Просвещения обнаружить всеобщую истину, прибегая к помощи одного только разума»¹¹³. Гренц совершенно не понимает, что пресловутые «мыслители-постмо-

дернисты» прибегают к помощи того самого разума, который намерены отбросить, чтобы провозгласить всеобщей истиной тезис о том, что мы не можем «обнаружить всеобщую истину, прибегая к помощи одного только разума». Гренц пишет: «В конечном счете метанарратив, который мы расхваливаем, лежит за пределами того, что способен обнаружить или оценить разум»¹¹⁴. Однако при этом он пользуется тем самым разумом, который, по его словам, в этом случае бесполезен. Утверждение «все толкования в каком-то смысле ошибочны»¹¹⁵ лишено всякого смысла, если мы не располагаем каким-то общеизвестным критерием истинности. И даже если все толкования в каком-то смысле ошибочны, невозможно удостовериться, что «все они не могут быть одинаково ошибочны», как утверждает Гренц¹¹⁶. По словам Гренца, евангелие — «общечеловеческая истина и принадлежит всему человечеству»¹¹⁷. Если он искренне так думает, как он может на той же странице утверждать, что все толкования в каком-то смысле ошибочны? Ведь в таком случае мнение самого Гренца, что евангелие — общечеловеческая истина и принадлежит всему человечеству, тоже в каком-то смысле ошибочно.

В одном Гренц прав: мы, христиане, действительно должны отказаться от «эпистемологии Просвещения»¹¹⁸. Вот только эпистемология Просвещения выглядит совсем иначе, чем полагает Гренц. Поскольку его понимание эпохи Просвещения и последующей эпохи модерна в корне неправильно, он ошибочно принимает за эпистемологию Просвещения понятия абсолютной истины, уверенности и объективности. Между тем, ни истина, ни объективность не были порождениями эпохи Просвещения и составляли неотъемлемую часть любой эпистемологии, начиная с Платона. Гренц пишет: «Из христианской веры вытекает отрицание того, что рациональный, научный метод — единственное мерило истины»¹¹⁹. Очень жаль, что Гренц и другие постмодернисты не жили в те времена, когда на них могли бы оказать влияние такие верующие ученые, как Иоганн Кеплер (1571–1630), Блез Паскаль (1623–1662), Роберт Бойль (1627–1691), Нильс Стенсен (1638–1686), Исаак Ньютон (1643–1727), Антуан Лавуазье (1743–1794), Леонард Эйлер (1707–1783), Альбрехт фон Галлер (1708–1777), Алессандро Вольта (1745–1827), Джон Дальтон (1766–1844), Карл Фридрих Гаусс (1777–1855), Гемфри Дэви (1778–1829), Майкл Фарадей (1791–1867), Чарлз Бэббидж (1791–1871), Сэмюэл Морзе (1791–1872), Мэри Эннинг (1799–1847), Джеймс Клерк Максвелл

(1831–1879), Грегор Мендель (1822–1884), Бернхард Риман (1826–1866) и многие другие.

Однако «рациональный, научный метод» — не единственный возможный источник уверенности, и совершенно незачем отбрасывать идею уверенности, внося поправки в свои представления о научном методе. Утверждение, что «некоторые аспекты истины лежат за пределами досягаемости разума», — еще не причина отказываться от понятия уверенности. Кроме того, уверен ли Гренц в том, что некоторые аспекты истины лежат за пределами досягаемости разума? Если да, откуда он получил это знание? Гренц пользуется собственным рассудком, когда пишет, что христианам следует «занять позицию осторожного, даже недоверчивого отношения к человеческому рассудку»¹²⁰. Но раз Гренц высказывает это предостережение, опираясь на свой рассудок, не следует ли нам с недоверием воспринять его отношение к рассудку? Исходя из сформулированного им принципа, нам как христианам не следует доверять словам Гренца о том, что христианам не следует доверять рассудку. Если, как пишет Гренц, «мы осознаем, что следование интеллекту иногда может уводить нас в сторону от Бога и истины», то рассуждения самого Гренца — яркое тому подтверждение. Однако понимание того, что это иногда может случаться, — еще не причина отказываться от интеллекта. Собственно, даже для того, чтобы сформулировать приведенный выше тезис, Гренцу придется в какой-то степени пользоваться своим интеллектом. Если мы откажемся от рассудка только потому, что он «иногда» уводит нас прочь от Бога, что нам останется — ощущения, интуиция, вкусы, предпочтения? По всей видимости, интеллект Гренца не способен осознать внутреннее противоречие, которое содержится в его заявлениях. Например, откуда Гренц (да кто угодно, если уж на то пошло) может знать, что интеллект «иногда» сбивает нас с правильного пути, если не бывает ситуаций, когда тот же интеллект приводит нас к истине? Если мы не познали истину (с помощью разума), нам не на что опереться, чтобы определить, что «иногда» мы ошибаемся.

Как пишет Гренц, нам следует «с одобрением отнестись к тому, что постмодерн ставит под сомнение допущение эпохи Просвещения, будто знание объективно, а потому бесстрастно»¹²¹. Следует ли считать это одобрение Гренца объективным и бесстрастным? Гренц пишет: «Мы подтверждаем справедливость открытого постмодернистами принципа, в соответствии с которым ни один наблюдатель не может находиться вне исторического про-

цесса»¹²². Внутренняя противоречивость этого утверждения должна быть очевидна — даже Гренцу. Он излагает свою точку зрения (и точку зрения всех постмодернистов) так, словно находится вне собственного исторического процесса. Если «ни один наблюдатель не может находиться вне исторического процесса», это распространяется и на Гренца, то есть его утверждение отражает лишь его собственную историческую точку зрения. Но в таком случае оно не может претендовать на всеобщую истинность. Это не более чем отрывок релятивизма столетней давности. Гренц пишет: «Не можем мы и приобрести всеобщее, нейтральное в культурном отношении знание как непредвзятые специалисты. Напротив, мы часть своего историко-культурного контекста, и эта причастность неизбежно накладывает отпечаток на все наши интеллектуальные потуги»¹²³. Но разве Гренц и постмодернисты каким-то образом избавлены от этих ограничений? Если нет, почему они думают, что имеют право называть знания всех остальных людей «культурно обусловленными» — так, словно их собственные знания каким-то образом преодолели эту проблему и отражают истины, справедливые для всех остальных? Связывать постмодернистский релятивизм с блаж. Августином, как это делает Гренц¹²⁴, значит исказить мысль Августина. Епископ Гиппонский был убежден, что ум, просвещаемый Богом, способен преодолеть любые «обусловленности» и постичь объективную истину. Однако это просвещение, с точки зрения Августина, вовсе не было антирациональным, как полагает Гренц.

Гренц отрицает, что знание в основе своей благо, и это сбивает с толку. Если под знанием мы понимаем знание истины, то истина и, следовательно, знание, по сути своей благо. Это невозможно отрицать, поскольку Иисус сказал: «Я есть истина». Гренц путает истину и то, как люди ее используют. Вне всякого сомнения, порочные люди могут использовать знание и даже истину в предосудительных целях. Однако было бы совершенно неправильно отрицать изначальную благотворность знания только потому, что люди неправильно им распоряжаются. Гренц пишет: «Технологические достижения открывают новые возможности не только для добра, но и для зла»¹²⁵. Однако то же самое можно сказать о сотворении небес, земли и человека. Создав человека, Бог тем самым создал возможность добра и зла. Однако то, что человек сотворил зло, не делает божественное сотворение мира предосудительным. Исходя из принципов Гренца, и христианство, и постмодернизм одинаково нехороши, потому что

они открыли возможности для добра и для зла. Вдобавок, христианство вовсе не утверждает, что победа знания над невежеством благотворна. Христианство не утверждает, будто понимать, что такое добро, и делать добро — одно и то же. На самом деле это сократическая или платоническая идея, укоренившаяся в умах некоторых христиан.

Контурсы постмодернистского евангелия

Описывая «постиндивидуалистическое евангелие», Гренц делает несколько действительно ценных замечаний. Христианам на самом деле следует избегать радикального индивидуализма, который приводит к отделению от общины. Однако Гренц заходит слишком далеко и соглашается с тезисом, что «отдельные люди обретают знания исключительно посредством когнитивного контекста, роль посредника в котором играет сообщество, к которому они принадлежат»¹²⁶. Прежде всего, если Гренц прав, он ошибается. Пришел ли сам Гренц к своему знанию посредством когнитивного контекста, роль посредника в котором играло сообщество, к которому он принадлежал? Если да, это не более чем опосредованное знание, а не знание, истинное для всех людей, поскольку другие люди получают знания через свои собственные сообщества. Если утверждение Гренца справедливо, неопосредованных знаний о том, что такое добро, добродетель и смысл жизни вообще не существует и, следовательно, не существует критериев, на основании которых можно было бы осудить поступки нацистов, например. В конце концов, нацисты тоже получили свои знания опосредованно через сообщество, к которому принадлежали. Если утверждение Гренца справедливо, невозможно объяснить возникновение постмодернизма — ведь сами постмодернисты были воспитаны в модернистском сообществе и в модернистском когнитивном контексте. Откуда они взяли свои постмодернистские идеи? Вне всякого сомнения, сообщество «транслирует своим членам трансцендентную историю, которая включает в себя предания о добродетели, общем благе и высшем смысле»¹²⁷, однако некие представления о добродетели, благе и смысле жизни должны поступать извне сообщества — в противном случае невозможно объяснить историю самого Мишеля Фуко, который отверг представления своего сообщества о добродетели, благе и смысле жизни. Безусловно, христианам следует «жить согласно евангелию в контексте здоровых, искренних и исцеляющих взаимоотношений»¹²⁸, но когда «предста-

вители следующего поколения»¹²⁹ реагируют на свидетельство жизни христианина, у того должно быть послание, абсолютно истинное для всех людей, которым с ними можно поделиться. Отказ христиан от веры в истинность, объективность и несомненность евангельской истины не позволит им дать «следующему поколению» надежду на будущее, даже они смогут предложить «следующему поколению» членство в предположительно идеальной общине.

Предлагаемое Гренцем описание «пострационалистического евангелия» в большей степени согласуется с истиной евангелия. Христиане действительно должны понять, что «мы мыслящие существа, однако представляем собой нечто большее, чем 'разумное животное' Аристотеля»¹³⁰. И это правда, что «интеллектуальное осмысление и научные поиски сами по себе не смогут познакомить нас с каждым измерением реальности или привести нас к познанию каждой стороны Божьей истины»¹³¹. Однако Гренц вновь впадает в постмодернистский релятивизм, сводя тем самым к нулю ценность своих советов. Он пишет: «Помочь нам в решении этой задачи могут постмодернисты, специализирующиеся в области теории общества. Эти мыслители пытаются заменить индивидуалистический фундаменталистский рационализм модернистского западного мышления представлениями о социальной и лингвистической обусловленности знаний и веры»¹³². Однако в действительности знание вовсе не обусловлено ни социальными, ни лингвистическими факторами. В противном случае мы никогда бы об этом не узнали. Кроме того, если знание обусловлено социально и лингвистически, то и представления о социальной и лингвистической обусловленности знания тоже обусловлены социальными и лингвистическими факторами, а потому не могут претендовать на всеобщую истинность. Каким образом Гренц намеревается излагать знания о христианском Боге так, чтобы они не были обусловлены ни социально, ни лингвистически? Положиться на «личную встречу с Богом во Христе»¹³³ значит превратить евангелие в субъективную конструкцию, порожденную личным социально и лингвистически обусловленным контекстом конкретного человека. Такое евангелие уже не будет выше культурных и языковых границ. Результат личной встречи сам по себе нуждается в толковании. Об этом свидетельствует опыт многих людей, исповедующих разные религиозные взгляды. В отсутствие некоего социально и лингвистически обусловленного знания понять, с кем именно ты встретился — с Богом или Буддой, — не представляется воз-

можным. Если богословские догматы обретают смысл лишь в контексте личного взаимодействия, то любое личное взаимодействие может изменить их смысл, чтобы подогнать под вновь полученные впечатления. Гренц прав, когда пишет, что «наша цель в проповеди евангелия не должна ограничиться тем, чтобы привести других людей к согласию со списком правильных утверждений»¹³⁴, однако мы должны стремиться к большему, а не меньшему, чем это. Для того, чтобы уверовать в Бога (т. е. лично познать Его), сначала нужно поверить тому, что Он говорит о Себе: «А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» (Евр. 11:6)¹³⁵. Для того, чтобы поверить в Бога, сначала нужно принять абсолютную истину о том, что Бог существует и вознаграждает ищущих Его.

Возможно, постмодернистское изложение евангелия не должно «ставить во главу угла догматы как центральный элемент христианской веры»¹³⁶, однако не должно оно и упразднить их как важный и определяющий аспект евангельской истины. В отсутствие пропозициональной сути евангелия мы не сможем рассказать другим, во что именно им следует верить. Кроме того, если Гренц отвергает картезианский фундаментализм, это вовсе не означает, что следует отвергнуть любые разновидности фундаментализма. Ошибочные представления Гренца об истории философии привели к тому, что он сводит все многообразие фундаментализма к одной-единственной его форме, картезианской.

Поскольку Гренц принимает за дуализм одну-единственную его разновидность, картезианскую, он не понимает значения этой идеи. Если кто-то злоупотребляет дуализмом или неверно его интерпретирует, это не проблема дуализма как такового. Вне всякого сомнения многие христиане не заботились о том, чтобы применить евангелие к человеку в целом, поскольку сосредоточивали внимание на одной лишь душе. Но такое смещение акцента — не изъян дуализма, а ошибка некоторых дуалистов. Многие так называемые христиане, к примеру, неверно толковали христианское учение, пытались защищать рабовладение, однако христианство не виновато в их заблуждениях. Вина лежит на этих людях, по недоразумению именовавших себя христианами. Кроме того, многообразие дуализма не ограничивается его картезианской разновидностью. Блаж. Августин разделял душу и тело, и большинство богословов в истории церкви придерживалось дуализма в той или иной форме. Христианам следует приветство-

вать предложение Гренца вновь увидеть связь между евангелием и всей природой человека. Однако это не означает, что нужно отказаться от истины, и вполне может оказаться, что некая разновидность дуализма и есть истина.

Ссылка Гренца на 1 Коринфянам 8:1 в обоснование утверждения, что «знание благо лишь в том случае, если приносит добрые плоды», попросту ошибочна. В этом стихе Павел порицает коринфян за гордыню. Он нигде не пишет, что знание плохо. Знание надмевает или порождает гордыню, однако это не изъян знания. Это проблема людей, который гордятся тем, что, как им кажется, они знают. Конечно, вера, которая хранит верность Господу, не позволит себе «оставаться чисто интеллектуальным предприятием, вопросом исключительно согласия с ортодоксальной точкой зрения»¹³⁷. Но, опять же, она не может быть ничем меньшим. Мы не можем отбросить знание или объявить его «предосудительным» лишь на основании того, что у кого-то не получается перейти от знания к мудрости.

Постмодерн и герменевтика

Я не согласен с теми, кто говорит, что всеобъемлющего определения или единой теории постмодерна не существует, или что постмодернизм — термин, который описывает главным образом период времени, а не определенную идеологию. На мой взгляд, постмодернизм — это прежде всего конкретный подход к герменевтике. Брюс Корли, Стив Лемке и Грант Лавджой выразили эту мысль гораздо более лаконично: «Никто никогда не начинает с некоей негерменевтической объективности и не двигается от этой отправной точки к знанию; напротив, все начинают с тех места и времени, в которых живут, с той точки зрения, которую внушили им история и язык»¹³⁸. Эти христианские авторы сформулировали (возможно, сами того не сознавая) замечательное определение постмодернизма. Это подход к жизни и реальности, который по сути своей интерпретативен. Исключительно в контексте данной статьи я воспользуюсь двумя терминами — жизнь и реальность, — чтобы разделить все сущее на две основополагающие категории. Под «жизнью» я буду понимать весь опыт, который человек может получить за время земного существования. К нему относятся личный опыт, опыт учебы, языковой опыт, опыт повседневной жизни, личный мыслительный опыт — любой приобретенный человеком опыт. Кстати, Эдгар Мак-Найт высказывает, по сути, ту же самую мысль относительно постмодернистского толкования.

Он пишет: «Подход, ориентированный на читателя [который он отождествляет с постмодернистским подходом], основан на предположении, что знание (эпистемология) всегда связано с жизнью (онтологией), и что единственный вид знания, который действительно имеет значение, — это знание, укорененное в жизни»¹³⁹.

Словом «реальность» я буду называть любые объекты, которые мы познаем опытным путем. Я вовсе не хочу сказать, что опыт нереален, а объекты, которые познаем опытным путем, реальны. Это просто условный способ разграничить содержание нашего опыта и то, отражением чего наш опыт является. Он не идеален, но для наших целей вполне подойдет. Джон Симс делает аналогичное наблюдение: «В основе постмодернистского *geist'a* лежат меняющиеся представления о том, как осмысливать реальность, как ее познавать логическим или опытным путем»¹⁴⁰.

Тем не менее, очень важно не забывать, что с точки зрения постмодерниста эти две категории невозможно разделить. Иначе говоря, одно лишь то, что мы будем использовать слово «реальность» для описания объектов, которые поддаются познанию опытным путем, для постмодерниста вовсе не означает, что за пределами разума существует некая объективная реальность, или что эта объективная реальность каким-то образом переносит себя в наш разум, и разум способен воспринять ее такой, какая она есть. Как отмечает Джойс Эпплби: «Постмодернисты часто ставят слово „реальность“ в кавычки, чтобы подчеркнуть свое сомнение в том, что „там“ что-то есть. С их точки зрения, жители Запада особенно склонны самонадеянно думать, будто реальность однозначна и познаваема»¹⁴¹. Иначе говоря, в данном случае мы не можем понимать слова «жизнь» и «реальность» в том смысле, который мы в них обычно вкладываем. Это всего лишь термины, которыми мы для удобства будем обозначать свой опыт и то, что мы опытным путем воспринимаем. То, что мы воспринимаем опытным путем, может не быть реальным в привычном для нас смысле. Например, мы видим то, что считаем стулом. Однако мы не можем исходить из того, что видим некий реально существующий стул. Возможно, он и существует в действительности, однако мы не можем на это полагаться. С точки зрения постмодернизма нельзя автоматически предполагать существование субъектно-объектной дихотомии. Такая дихотомия, по мнению постмодернистов, — пережиток модернистской эпистемологической системы, бунтом против которой и стал постмодернизм.

Кроме того, нельзя исходить из того, что личный опыт взаимодействия с «реальностью» непременно дает человеку право со знанием дела рассуждать о чем бы то ни было еще личном опыте. Как отметила Лора Даунс, постмодернизм в значительной степени опирается на эпистемологическое допущение о «непознаваемости личного опыта. Лишь те, кто обладает отличительными чертами, определяющими принадлежность к искомой группе (биологически заданной или социально сконструированной), и на самом себе испытал присущие ей переживания, может понять, что означает быть чернокожим, женщиной, рабочим или представителем национального меньшинства...»¹⁴². По большому счету, никто не может ничего знать о личном опыте другого человека, потому что личный опыт, приобретенный любым человеком, никому другому не доступен. Как пишет Ричард Эванс, для большинства постмодернистов «личный опыт — единственный критерий истинности», а поскольку «всеобщего опыта» не существует, не может быть и единой для всех истины; «существуют лишь истины, известные конкретным группам людей»¹⁴³. Вероятно, проще всего эту мысль выразил Том Петти в песне под названием «Ты не знаешь, что такое быть мной» («You Don't Know How It Feels To Be Me»).

Данное обстоятельство особенно важно при рассмотрении двух вопросов, которые постоянно возникают, когда речь заходит о постмодерне. Первый из них заключается в том, что любая жизнь подразумевает толкование реальности или толкования полученного опыта. И не забывайте: когда постмодернисты говорят о реальности, они не имеют в виду нечто объективно существующее за пределами разума и не хотят сказать, что вещи, предположительно существующие за пределами разума, познаваемы. В каком-то смысле реальность может быть проекцией моего субъективного опыта. В свою очередь из того факта, что жизнь, по сути, носит интерпретативный характер, следует допущение, что реальность (то, что дано нам в ощущениях) не толкует сама себя. Толкователь должен толковать все, что познает, посредством личного опыта. Иными словами, реальность не объясняет сама себя, ее должен объяснить тот, кто приобретает опыт. Такой подход распространяется на опыт в любой сфере — политической, социальной и даже физической. Любое эмпирическое взаимодействие с реальностью (с тем, что дано нам в ощущениях) носит интерпретативный характер. У реальности нет смысла, который бы она сообщала или навязывала тому, кто с ней эмпирически взаимодействует.

Смысл формулирует тот, кто приобретает опыт. Жизнь подразумевает герменевтику.

Другим важным мотивом в постмодерне следует считать релятивизм. Это столь же значимое допущение, как и тезис о том, что вся жизнь предполагает толкование. Как выразился Джон Купер, «в основе нового умонастроения лежат принципиальный плюрализм и крайний релятивизм»¹⁴⁴. Постмодернистский релятивизм представляет собой антимодернистское допущение, в соответствии с которым истина не объективна и не абсолютна. По словам Симса, постмодернистский релятивизм «отрицает, что какая-либо всеобъемлющая теория может быть ‚истинной‘ или какая-либо практика может быть ‚хорошей‘ для всех»¹⁴⁵.

Поскольку сама реальность себя не объясняет, объективного смысла не существует. Иначе говоря, смысл невозможно найти в чем-либо помимо собственного опыта толкования, при этом опыт одного человека недоступен другому. Следовательно, объективного смысла быть не может. Но если не существует объективного смысла, не существует и объективной истины. Объективная истина не может существовать без объективного смысла. Если истинность — качество, которым должны обладать высказывания, мы не можем распознать объективную истину, поскольку не можем объективно знать, что означает то или иное высказывание. Высказывание, как и всякая реальность, познаваемая опытным путем, не объясняет само себя и не навязывает слушателю свой смысл. Слушатель должен истолковать высказывание, а истолковать значит наделить смыслом. Этот смысл представляет собой итоговую сумму всего, что я как толкователь собой представляю. Моя культура, мое прошлое, мое образование, мое расположение духа, мои вкусы, мое мировоззрение — все, что сделало меня тем, кто я есть, формирует контекст, в которое я толкую реальность, в том числе и любые высказывания. А поскольку мое толкование обусловлено моей *исторической позиционированностью*¹⁴⁶, оно уникально и присуще только мне, т. е. может полностью отличаться от толкований, предложенных другими людьми. Тем не менее, мое толкование имеет такое же право на существование, как и любое другое, потому что объективной истины не существует, а значит, нет и объективного критерия правильности толкования. Таким образом, в основе постмодернистского *geist'a* лежит допущение, что все упирается в наше толкование; ценности привязаны к конкретному толкователю, смысл привязан к конкретному толкователю, объективности не существует, не существует абсолютной истины, не существует единственно правильного смысла.

Позвольте мне привести пример. Отправная точка постмодернистского релятивизма заключается в том, что наши представления о реальности формируются культурой и языком. Один лингвист выразил эту мысль так: «Каждая культура создает собственный язык, чтобы выразить свое собственное восприятие реальности»¹⁴⁷. Джонатан Каллер в качестве примера ссылается на разницу между двумя английскими и двумя французскими словами. Английские слова *river* и *stream* разделяют водные потоки «исключительно по признаку размера», в то время как одно французское слово обозначает водный поток, который не обязательно больше по размеру, но впадает в море, а другое слово обозначает поток, который в море не впадает¹⁴⁸. Из этого факта Каллер делает вывод, что разные языки «отражают разный подход к разграничению понятий на концептуальном уровне»¹⁴⁹. Поскольку английские и французские термины свидетельствуют о разных способах упорядочения действительности, Каллер, как и постмодернисты в целом, приходит к заключению, что это следствие разного восприятия реальности. Иначе говоря, если вы выросли во Франции и ваш родной язык — французский, вы приучены воспринимать реальность иначе, чем человек, выросший в Америке. То, как именно вы воспринимаете реальность, определяется вашей культурой и вашим языком. Никакого единого для всех восприятия быть не может, поскольку не существует всеобщего языка и всеобщей культуры. Следовательно, всеобщей истины или объективного смысла тоже быть не может.

Проблема с таким объяснением заключается в том, что и английские, и французские слова описывают потоки воды. Ни английские, ни французские слова не используются для обозначения Эйфелевой башни или Скалистых гор. Кроме того, если бы эти слова не описывали реально существующие потоки воды, Куллер не смог бы использовать их в качестве иллюстрации. Как мы уже убедились ранее, язык попросту не формирует мышление. Будь это не так, если бы разные языковые группы формировали мышление их носителей, носители языков, принадлежащих к одной языковой группе просто не смогли бы понять мысль, которую хотят донести до них носители языков, принадлежащих к другой языковой группе.

К сожалению, возможность объективного смысла отрицают не только постмодернисты. Большинство евангелических авторов отвергает объективность, не причисляя себя при этом к постмодернистам. Дело в том, что евангели-

ческие христиане усвоили базовые принципы критической философии, начиная с Оккама, продолжая Декартом и Кантом и заканчивая Хайдеггером и Гадамером. Взяв начало в номинализме Оккама и получив подпитку в виде картезианского отделения разума от мира, критическая философия, начиная с Канта, подняла на щит критическую эпистемологию, в соответствии с которой познать мир как он есть сам по себе невозможно. В результате почти повсеместно принято думать, что знание отражает частную точку зрения познающего. И этот перспективизм стал одним из базовых принципов постмодернистского релятивизма.

Заключение

Многие предположения Гренца и его единомышленников истинны и хороши. Однако ни одно из них не уникально для «постмодерна». Мудрейшие из нас всегда предостерегали, что не следует ограничиваться только знаниями, забывая о необходимости служить личности человека в целом. Неправильно понимая историю философии (в особенности эпохи Просвещения и Нового времени), Гренц перепутал всеобщую истину, объективность и уверенность с научным рационализмом как его понимали в эпоху Просвещения. В результате Гренц считает постмодернистский релятивизм и отрицание истины простым отрицанием модернизма, но при этом для изложения собственных взглядов по-прежнему оперирует понятиями логики, объективности и уверенности. Рассуждая об истине, объективности и уверенности, Гренц прибегает к преувеличениям, искажениям и противоречит сам себе. И таким образом многочисленные полезные и своевременные рекомендации тонут в возникшей неразберихе. Гренц говорит так, словно для того, чтобы проповедовать евангелие, необходимо отвергнуть знание, объективность и уверенность. По существу, Гренц предлагает читателям стать постмодернистскими релятивистами.

В процессе своего краткого исследования постмодернизма я отметил для себя две тенденции. Во-первых, многие авторы, пишущие о постмодерне (как его сторонники, так и его противники), не имеют философского образования. Мы уже ссылались на мнение Уильяма Лэйна Крейга, что на самом деле мы не живем в эпоху постмодерна. Постмодернизм на философских факультетах никогда не воспринимали всерьез. Его всегда рассматривали как очередное проявление релятивизма и скептицизма — точек зрения, которые существуют столько, сколько можно упомнить.

Еще одна тенденция, которую я заметил, заключается в том, что базовые утверждения постмодернистов постоянно противоречат сами себе. Мы уже отметили, что Лиотар, отвергнув метанарративы, попросту заменил их собственными метанарративами. Уолтер Трюэтт Андерсон, американский политолог и социо-психолог, — очередной пример автора, который не имеет философского образования и противоречит сам себе:

Если мы считаем, что истину не находят, а создают, — если мы воспринимаем реальность как социальный конструкт, — это не означает, что мы решили, будто «там» ничего не существует. Мы всего лишь осознали, что наши истории о том, что существует «там», — все наши научные факты, наши религиозные учения, наши социальные убеждения и даже наши личные представления — представляют собой результат весьма творческого взаимодействия между человеческим разумом и вселенной. Вселенную можно обнаружить, однако наши представления о ней и слова, которые мы говорим о ней, сотворены нами. Одна из главных составляющих постмодернистского мышления заключается в том, что язык играет большую роль в социальном конструировании реальности¹⁵⁰.

Если «все наши истории о том, что существует „там“» — действительно «результат весьма творческого взаимодействия между человеческим разумом и вселенной», то и заявление Андерсона — всего лишь результат творческого взаимодействия между его разумом и вселенной, а потому не может быть справедливым для всех. Между тем, Андерсон преподносит свою мысль так, словно она абсолютно истинна применительно ко всем нашим историям.

В своей книге *Mapping Postmodernism* Роберт Грир так характеризует взаимоотношения между модернизмом и постмодернизмом: «Попросту говоря, модернизм настаивает на существовании абсолютных истины. Постмодернизм настаивает на противоположном: на том, что абсолютных истин не существует»¹⁵¹. Интересно, насколько абсолютна истина о том, что абсолютных истин не существует?

Примечания

89. Галилей, Галилео. Пробирных дел мастер, перевод А. Данилова (М.: Наука, 1987), с. 41. «La filosofia è scritta in questo grandissimo libro che continuamente
- ci sta aperto innanzi a gli occhi (io dico l'universo), ma non si può intendere se prima non s'impara a intender la lingua, e conoscer i caratteri, né quali è scritto. Egli è scritto in lingua matematica, e i caratteri son triangoli, cerchi, ed altre figure geometriche, senza i quali mezzi è impossibile a intenderne umanamente parola; senza questi è un aggirarsi vanamente per un oscuro laberinto».
90. См. Langford, Jerome J. *Galileo, Science and the Church* (South Bend, Indiana: St. Augustine's Press, 1998).
91. Grenz. *Primer*, pp. 52–53.
92. Schaefer, Henry F. *Science and Christianity: Conflict or Coherence?* (Watkinsville, Georgia: The Apollos Trust, 2003), p. 116. Д-р Генри Шэйфер пять раз номинировался на Нобелевскую премию. В настоящий момент он служит профессором химии и возглавляет Центр вычислительной квантовой химии при Университете Джорджии. Самые свежие данные из Ватикана по делу Галилея можно найти в книге McMullin, Ernan, ed. *The Church and Galileo* (Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2005).
93. Sokal; Bricmont. *Fashionable Nonsense*, p. 261.
94. Schaefer. *Science and Christianity*, pp. 112–113.
95. Там же, p. 119.
96. Siegel, Harvey. *Relativism Refuted: A Critique of Contemporary Epistemological Relativism* (Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1987). Harris, James F. *Against Relativism: A Philosophical Defense of Method* (La Salle, Illinois: Open Court, 1992). Couvalis, George. *The Philosophy of Science: Science and Objectivity* (London: SAGE Publications, 1997).
97. Sokal. *Fashionable Nonsense*, pp. 4–5.
98. Grenz. *Primer*, p. 62.
99. S. Aurelii Augustini. De Actis cum Felice Manichæo // *Patrologiae cursus completus: Series Latina*, vol. 42 (Paris: J.-P. Migne, 1865), I.X. «...Non legitur in Evangelio Dominum dixisse, Mitto vobis Paracletum qui vos doceat de cursu solis et lumæ. Christianos enim facere volebat, non mathematicos».
100. Фома Аквинский. Сумма теологии II:68:1 (перевод Еремеева). «Primo quidem, ut veritas Scripturae inconcusse teneatur. Secundo, cum Scriptura divina multipliciter exponi possit, quod nulli expositioni aliquis ita praecise inhaereat quod, si certa ratione constiterit hoc esse falsum, quod aliquis sensum Scripturae esse asserere praesumat: ne Scriptura ex hoc ab infidelibus derideatur, et ne eis via credendi praecludatur».
101. Sancti Thomae Aquinatis, Opusculum IX: Responsio ad Matistrum Joannem de Vercellis, de Articulis XLII // *Opera Omnia*, Tomus XVI (Parmae: Typis Petri Fiaccadori, 1865), p. 163. «Unde mihi videtur tutius esse ut haec quae philosophi communius senserunt, et nostrae fidei non repugnant, neque sic esse asserenda ut dogmata fidei, licet aluquando sub nomine philosophorum introduceantur; neque sic esse neganda tamquam fidei contraria; ne sapientibus hujus mundi contemnendi doctrinam fidei, occasio praebeatur».

102. Bellarmino, Roberto. Roberto Bellarmino a Paolo Antonio Foscarini [in Roma]. Roma, 12 aprile 1615 // *Le Opere di Galileo Galilei*, vol. 12 (Firenze: Tipografia Di G. Barbera, 1902), p. 172. «3°. Dico che quando ci fusse vera demonstratione che il sole stia nel contro del mondo e la terra nes 3° cielo, e che il sole non circonda la terra, ma la terra circonda il solo, allhora bisogneria andar con molta consideratione in esplicare le Scritture che paiono contrarie, e più tosto dire che non l'intendiamo, che dire che sia falso quello che si dimostra».
103. Grenz. *Primer*, p. 63.
104. Porter. *Enlightenment*, pp. 31-32.
105. См. Israel, Jonathan. *Radical Enlightenment*.
106. Grenz. *Primer*, p. 64.
107. Критику методологии Декарта можно найти в книге Maritain, Jacques. *Distinguish to Unite: The Degrees of Knowledge* (London: Geoffrey Bles, 1959), pp. 78ff, n3.
108. Grenz. *Primer*, p. 65.
109. Там же, p. 66.
110. Там же, p. 68.
111. Там же, p. 81.
112. Там же, p. 162.
113. Там же, p. 164.
114. Там же, pp. 164-165.
115. Там же, p. 165
116. Там же.
117. Там же.
118. Там же.
119. Там же, p. 166.
120. Там же.
121. Там же.
122. Там же.
123. Там же.
124. Там же.
125. Там же.
126. Там же, p. 168.
127. Там же.
128. Там же, p. 169.
129. Там же.
130. Там же.
131. Там же.
132. Там же.
133. Там же.
134. Там же, p. 171.
135. «χωρίς δὲ πίστεως ἀδύνατον εὐαρεστήσαι· πιστεῦσαι γὰρ δεῖ τὸν προσερχόμενον τῷ θεῷ ὅτι ἔστιν καὶ τοῖς ἐκζητοῦσιν αὐτὸν μισθαποδότης γίνεται» (Heb. 11:6).
136. Grenz. *Primer*, p. 171.
137. Там же, p. 173.
138. Corley, Bruce; Lemke, Steve; Lovejoy, Grant. *Biblical Hermeneutics: A Comprehensive Introduction to Interpreting Scripture* (Nashville: Broadman and Holman Publishers, 1996), p. 206.
139. McKnight, Edgar V. *Postmodern Use of the Bible: The Emergence of Reader-Oriented Criticism* (Nashville: Abingdon Press, 1988), pp. 18-19.
140. Sims, John A. Postmodernism: The Apologetic Imperative // *The Challenge of Postmodernism: An Evangelical Engagement*, ed. David S. Dockery (Wheaton, Illinois: Victor Books, 1995), p. 324.
141. Appleby, Joyce; Hunt, Lynn; Jacob, Margaret. *Telling the Truth About History* (New York: W. W. Norton and Company, 1994), p. 204.
142. Downs, Laura Lee. If «Woman» Is Just an Empty Category, Then Why Am I Afraid to Walk Alone at Night? Identity Politics Meets the Postmodern Subject // *Comparative Studies in Society and History* 35 (1993), p. 416.
143. Evans, Richard J. *In Defense of History* (New York: W. W. Norton and Company, 1999), p. 182.
144. Cooper, John W. Reformed Apologetics and the Challenge of Post-Modern Relativism // *Calvin Theological Journal* 28 (April 1993), p. 109.
145. Sims. Postmodernism: The Apologetic Imperative, p. 326.
146. Термин «историческая позиционированность» озгачает исторические условия и обстоятельства, в которых живут и мыслят люди. Каждый человек находится в определенное время в определенном месте и в определенной культуре, он воспринимает через призму определенных представлений свой внутренний мир и мир, который его окружает, и взаимодействует с ними. Все упомянутые стороны жизни человек в этом мире можно в целом назвать исторической позиционированностью. Это не значит, что мы сдаемся на милость историцизма — просто мы признаем конечность человеческого бытия.
147. Buchanan, Cynthia D. *A Programed Introduction to Linguistics* (Lexington, Massachusetts: D. C. Heath and Company, 1963), p. 9.
148. Culler, Jonathan. *Ferdinand de Saussure* (Middlesex, England: Penguin Books, 1976), p. 15. Каллер имеет в виду французские слова *fleuve* и *rivière*.
149. Там же, p. 16.
150. Уолтер Трюэтт Андерсон.
151. Greer. *Mapping Postmodernism*, p. 13.

Д-р **Томас Хау** — профессор библеистики и библейских языков, а также руководитель программы по апологетике в Южной евангельской семинарии и библейском колледже. Автор ряда монографий, в том числе нескольких книг, разъясняющих трудные тексты Библии, написанных в соавторстве с Норманом Гайслером.

Оригинал статьи опубликован на сайте южноафриканского отделения служения Ratio Christi (ratiochristi.co.za). Все права принадлежат автору.

МЕНЯЛОСЬ ЛИ ХРИСТИАНСТВО СО ВРЕМЕНЕМ?

Майкл Дж. Крюгер

Думаю, будет справедливо сказать, что в последние десять лет наблюдается определенное возрождение академического интереса к раннему христианству.

Под «ранним христианством» я не имею в виду христианство, представленное великими деятелями IV и V веков — того периода, когда церковь пришла к власти, — например, Афанасием Великим, Константином Великим, Блаженным Августином. Я имею в виду период времени сразу после смерти апостолов, прежде всего, II и III веков, когда христианство все еще находилось в зачаточном состоянии, и пытались выжить во враждебном римском мире.

К числу недавних публикаций, охватывающих этот важный период истории (а иногда и другие) относятся книги Stark, Rodney. *The Triumph of Christianity* (2011), Hurtado, Larry. *Destroyer of the gods* (2016), Kruger, Michael J. *Christianity at the Crossroads* (2017), Ehrman, Bart. *The Triumph of Christianity* (2018), а также Edwards, James. *From Christ to Christianity* (2021).

Чем обусловлен такой интерес? Думаю, ученые вновь начинают понимать то, что нам было известно всегда: достоверность более поздней (и более полной) версии христианства зависит (во всяком случае, отчасти) от того, можно ли найти ее основные черты на предыдущих этапах существования христианства.

Если же это не представляется возможным, если удастся доказать, что между двумя версиями существует радикальный разрыв, можно сделать вывод, что христианство, которое завоевало господство, — это не «настоящее» христианство, а просто придуманная людьми система, порожденная соображениями политики, власти или просто случайными факторами, и не согласующаяся с более ранней (подлинной) версией.

В результате можно прийти к выводу, что ранняя (подлинная) версия христианства была

подавлена и забыта на много столетий. И тогда нам останется только пожелать, чтобы какие-нибудь ученые набрались смелости и вернули нам эту утраченную версию христианства, восстановив ее в правах.

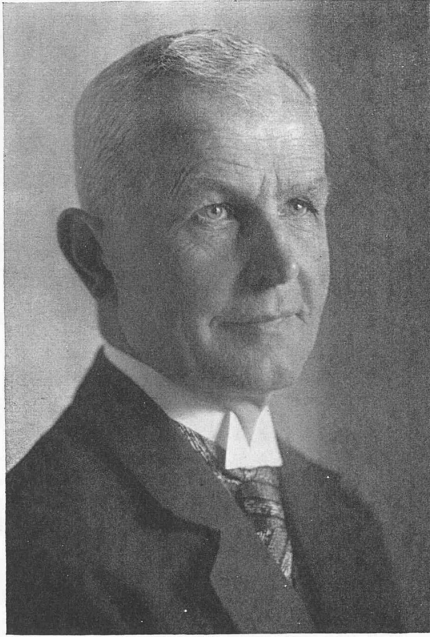
Что ж, возможно, это желание исполнили авторы самой свежей публикации, книги *After Jesus Before Christianity: A Historical Exploration of the First Two Centuries of Jesus Movements* (HarperOne, 2021). Ее авторы, Эрин Вернкомб, Брэндон Скотт и Хэл Тауссиг, представляют организацию Westar Institute (по существу, головную структуру известного проекта Jesus Seminar).

Смелое утверждение

Если можно о чем-то судить по предисловию, написанному Сью Монк Кидд, претензии авторов скромными не назовешь: «Вы собираетесь прочесть книгу, которая способна переписать историю — а именно, давнюю „генеральную идею“ о том, как возникло христианство» (р. xi). Что же это за «генеральная идея», которую авторы намерены переписать? Это убежденность в том, что «христианство» представляло собой единую, непрерывную древнюю традицию, выражающую единственную истину» (р. 3).

Иными словами, цель книги — показать, что между поздней версией христианства и его ранними вариантами лежит огромная пропасть. Если поздняя версия выглядит стабильной и целостной, то ранняя стадия христианства представляла собой пестрый, яркий «калейдоскоп» самых разных взглядов, мозаику из «плиток разной формы и разного размера», которые не поддаются четкой классификации и не укладываются в традиционные стереотипы (р. 3).

Авторы выразились без обиняков: «В первые два века того, что мы называем „христианством“, не существовало» (р. 4).

WALTER BAUER
(1877–1960)

Возвращение к идеям Вальтера Бауэра

Конечно, всякий, кто знаком с историей изучения раннего христианства в XX столетии, сразу поймет, что в целом в этих утверждениях нет ничего нового. В 1934 году Вальтер Бауэр в своей монографии *Heresy and Orthodoxy in Earliest Christianity* высказывал, по существу, те же самые мысли относительно крайнего разнообразия убеждений в первые века христианства и утверждал, что «ортодоксия» — это всего лишь результат укрепления церкви в IV-V столетиях. Действительно, значительная часть современных критических работ, посвященных раннему христианству, основана на парадигме Бауэра (в той или иной форме).

Тезис Бауэра был подвергнут решительной (кто-то скажет разгромной) критике, однако некоторые его мысли были правильны. Например, будет справедливо признать, что в самые первые века в богословское разнообразие христианстве было гораздо шире, чем мы обычно думаем.

То же самое можно сказать и о данной книге. Авторы справедливо отмечают, что в некоторых отношениях ранние века сильно отличались от последующих, и что нам необходимо лучше понять эти отличия. Однако в ряде случаев авторы, похоже, сознательно преувеличивают разрыв между ранней и поздней версиями христианства и настаивают на радикальном несоответствии между ними, хотя этот тезис, на мой взгляд, не подкреплен доказательствами.

Так чем же, по мнению авторов этого нового тома, ранняя версия христианства радикально отличалась от более поздней? В рамках краткого обзора невозможно предложить исчерпыва-

ющий анализ, но вот четыре наиболее заметных отличия.

Гендерные вопросы

Несколько глав книги посвящены теме семьи, самоидентификации и гендера. В частности, авторы подчеркивают, что в первые века женщины играли более заметную роль в церковном служении. Особое внимание они уделяют апокрифическому Евангелию от Марии, которое наделяет Марию «особым, высшим авторитетом», превосходящим даже авторитет апостолов (р. 104).

Как же быть с книгами Нового Завета, в которых могут быть отражены иные взгляд на роль женщины? Например, авторы считают, что 1-е Послание к Тимофею (а также Послания к ефессянам и колоссянам) написал не Павел. А такие отрывки, как 1 Коринфянам 11:2-11 и 14:33-36, которые также существенно расходятся с Евангелием от Марии, они считают позднейшими вставками. Взамен авторы предлагают читателю сосредоточить внимание на таких текстах, как Гал. 3:28, где сказано, что «нет мужского пола, ни женского».

Разумеется, мнение авторов относительно каждого из этих текстов можно оспорить, и оно уже неоднократно было оспорено (размеры статьи не позволяют вернуться к этим дискуссиям). Более того, есть серьезные сомнения в том, что Евангелие от Марии обладает достаточной исторической достоверностью, чтобы придавать ему больше веса, чем другим писаниям.

Но если авторы лишь хотели показать, насколько раннее христианство ценило женщин, в подобном манипулировании текстами и историей нет никакой необходимости. Достоверные библейские тексты, такие как 16-я глава Послания к римлянам, и без того показывают, что женщины в первые века играли очень важную роль в церкви, а святоотеческие свидетельства это подтверждают. Совершенно незачем извлекать на свет Евангелие от Марии, чтобы это доказать.

Изобретение ортодоксии

Вполне ожидаемо основной постулат книги — в котором чувствуется влияние Бауэра — состоит в том, что идея ереси как таковая представляет собой «порождение последующих веков» (р. 203), имеющее своей целью укрепить власть церкви и подавить инакомыслие. Авторы утверждают: «Сильный негативный смысл появляется в слове „ересь“ лишь в конце II столетия» (р. 201). До того момента ни ереси, ни ортодоксии не было, существовали лишь разные «направления» богословской мысли.

У меня опять-таки нет возможности полноценно опровергнуть подобные тезисы (я подробно изложил свои доводы в книге *The Heresy of Orthodoxy*). И все же следует отметить, что аргументация авторов в значительной мере сосредоточена на самом слове «ересь» (αἵρεσις) и на том, что в Новом Завете оно не используется в отрицательном смысле.

Однако такой подход основан на путанице между словом и идеей. Да, возможно, слово αἵρεσις таким образом в книгах Нового Завета не использовалось, однако идея «ереси» в них, несомненно, присутствует. Новозаветные авторы упоминают самые разные ложные и неприемлемые учения: пустая философия и мифы (Кол. 2:8; 1 Тим. 1:4; 4:7; 2 Тим. 4:4; Титу 1:14; 2 Пет. 1:16); языческая мистика (Кол. 2:18; Иуды 8); различные аскетические практики (Кол. 2:18; 1 Тим. 2:15; 4:1-5; Титу 1:15); эсхатологический оптимизм (2 Тим. 2:17-18; Мф. 24:25; Мк. 13:21; Лк. 21:8); эсхатологический скептицизм (1 Кор. 15:12; 1 Фес. 5:3; 2 Пет. 3:4); ложные представления о Христе (Мф. 16:13-14; Ин. 1:14; 1 Ин. 2:22-23; 4:2-3; 2 Ин. 7; 1 Тим. 3:16); антиномизм (Титу 1:16; 2:14; Иак. 2:14-26; 2 Пет. 2:1-20; Иуды 8-16; Отк. 2:14-16; Мф. 5:17-18) и, конечно, учение «иудействующих» (Гал. 2:15-16; 3:19-24; 1 Тим. 1:7; см. Деян. 15:1).

Почему же авторы не рассматривают подобные отрывки как доказательство существования реальной разницы между ересью и ортодоксией в первые века? Просто потому что многие из перечисленных текстов принадлежат перу Павла. А роль Павла, по их мнению, была не так уж велика. Более того, пятнадцатая глава книги посвящена разъяснению того, почему фигура Павел не имела особого значения для раннего христианского движения.

С другой стороны, если Павел не был значимой фигурой, это сводит на нет некоторые аргументы самих авторов. Например, если мнением Павла можно пренебречь, почему нас должно волновать, что он написал в Галатам 3:28?

Отрицание Нового Завета

Ни одна книга, выдержанная в духе Вальтера Бауэра, не будет полной без этого заключительного утверждения. Одно из главных различий между ранним и поздним этапами развития церкви заключается в том, что «в первые два века никакого Нового Завета не существовало» (р. 304). Собственно, авторы называют мысль об этом «одним из самых больших сюрпризов», которые ожидают читателя в их книге (р. 303).

Я не совсем понимаю, в чем тут «сюрприз», ведь на протяжении последнего столетия множе-

ство ученых, включая самого Бауэра, говорили, по существу, то же самое. Сейчас это практически стало мантрой — говорить, что у первых христиан не было Библии.

В определенном узком смысле с данным утверждением можно согласиться. Если под «Новым Заветом» имеется в виду полный, законченный и закрытый сборник, состоящий из 27 книг, то, да, его действительно не существовало приблизительно до IV века (хотя выше я писал, что полные списки новозаветных книг появились уже в третьем веке).

Кроме того в процессе подобного анализа авторы упускают из виду, что уже к середине II века сложилось «ядро» канонических книг Нового Завета (приблизительно 22 из 27), которое использовалось как Писание. Даже если его границы были немного размыты, утверждать, что «Нового Завета не существовало», — явное преувеличение.

Заключение

Для тех, кто интересуется вопросами формирования христианского движения в самые первые столетия, книга *After Jesus Before Christianity* станет увлекательным чтением. В ней присутствует ряд дерзких утверждений, которые, несомненно, вызовут у читателя любопытство и побудят к дальнейшим размышлениям. Кроме того, в книге есть несколько полезных моментов, на которые необходимо обратить внимание: например, раннему христианству было свойственно большее разнообразие, чем мы обычно думаем; роль женщин в раннехристианском движении оценивалась высоко.

Однако авторы снова и снова выходят далеко за пределы того, что можно подкрепить доказательствами. Они пишут, что подходят к исследованию «с непредвзятостью» и «не исходят ни из каких допущений» (р. 1), однако в результате приходят к вполне предсказуемому выводу, который, так уж получилось, соответствует давно известной парадигме Вальтера Бауэра, существующей уже почти 100 лет.

Авторы книги *After Jesus Before Christianity* утверждают, что их детище способно «переписать историю». В определенном смысле так оно и есть. Они переписали историю первых христиан. Вопрос лишь в том, можно ли признать новый вариант более достоверным, чем прежний.

Оригинал статьи опубликован на сайте Майкла Крюгера Canon Fodder (www.michaeljkruger.com).
Все права принадлежат автору.

«БОГ БЕЛЫХ ПЯТЕН»

Эндрю Лок

Часто скептики говорят, что аргументы в пользу существования Бога основаны на пробелах в знаниях о мире, и что вывод о существовании Бога основан на невежестве. Не понимая какие-то природные явления (например, гром), древние люди считали их делом рук богов (например, Тора). По мере приобретения новых знаний подобные религиозные объяснения уступают место научным. Например, Джон Хот считает изъяном теистических аргументов то, что они апеллируют к «Богу белых пятен», хотя «по-прежнему остается широкий простор для дальнейших научных разъяснений»¹. Следовательно, можно сказать, что аргумент от точной настройки (например) основан на нынешнем состоянии науки, и со временем, по мере развития, наука сможет дать этому явлению натуралистическое объяснение. Кэрриер утверждает, что «ученые снова и снова находили физические объяснения каждому явлению, которое им удавалось тщательно изучить... История не знает ни одного случая, когда у какого-нибудь факта, тщательно исследованного учеными, не оказалось бы поддающегося выявлению физического начала»².

Возражение со ссылкой на «Бога белых пятен» действительно применимо лишь в отношении некоторых теистических аргументов. Например, оно неприменимо к космологическому аргументу «Калам» (КК). Вывод из КК основан не на том, чего мы не знаем, а на логических рассуждениях. Суть данного аргумента вовсе не сводится к тому, что «мы по-прежнему не знаем, как объяснить происхождение вселенной, поэтому Творец существует». На самом деле он выглядит следующим образом: поскольку есть основания³ полагать, что бесконечная каузальная регрессия и замкнутая каузальная петля невозможны, существует Первопричина. Поскольку есть основания полагать, что у всего, что имеет начало, есть причина, Первопричина должна быть безначальной. Остальные свойства этой Первопричины, которые свидетельствуют о том, что Первопричиной является личностный Творец, также выво-

дятся логическим путем, а не постулируются произвольным образом для прикрытия пробелов в знаниях. Кроме того, как я объясняю в своей книге, каждый шаг логических рассуждений носит строго дедуктивный характер и исключает любые альтернативные объяснения, в то время как идея «Бога белых пятен» допускает (по крайней мере, в принципе) возможность того, что какое-то объяснение, не подразумевающее существования Бога, окажется верным⁴. Да, по мере развития науки наше понимание законов природы, объясняющих наблюдаемые явления, будет расширяться и углубляться, однако КК доказывает, что развитие науки ничем не сможет заменить Первопричину (Творца) в качестве объяснения существования всех вещей, в том числе и самих законов природы, которые могли быть созданы только этой Первопричиной.

Что касается телеологического аргумента (ТА), можно попытаться прибегнуть к альтернативным объяснениям (научным или иным) разумного устройства. Однако в своей книге я продемонстрировал, что ни одно возможное альтернативное объяснение (случайность, регулярность, сочетание случайности и регулярности, беспричинность) в конечном итоге не способны объяснить такие феномены, как математическая упорядоченность и точная настройка. Рацш и Коперски отмечают, что «свидетельства разумного устройства в природе не обязательно подразумевают пробелы. Разумное устройство, встроенное или „подгруженное“ в природу с самого начала, не требует никакого дальнейшего вмешательства в ходе истории природы и, следовательно, никаких промежутков»⁵.

Скептики могут возразить, что возможна бесконечная регрессия причин/событий, не имеющая начала, в которое можно было бы встроить разумное устройство.

Во-первых, как я показал в своей книге, ТА можно усилить с помощью КК, который демонстрирует, что бесконечной регрессии причин/событий не существует, то есть было первое событие, и что это первое событие могло быть

вызвано не каким-то регулярным/механистическим/научным процессом, а только свободным действием Первопричины.

Во-вторых, данное возражение скептиков не объясняет, каким образом не способные мыслить, неразумные вещи согласуются с естественными законами⁶, которые описываются математическими уравнениями (уравнением Шредингера, уравнением Дирака и т. п.), — например с крайне сложными нюансами квантовой механики, которые ученые наблюдают ежеминутно.

Лесли предлагает нам вообразить гипотетическую ситуацию: «частицы регулярно образуют длинные цепочки, которые складываются в текст „БОГ СОТВОРИЛ ВСЕЛЕННУЮ“, и можно доказать, что это неизбежно происходит вследствие действия базовых законов физики»⁷. Возражение, что это не свидетельствует о разумном устройстве, поскольку законы природы метафизически необходимы и представляют собой грубые факты, а наша вселенная — единственная, которую мы можем наблюдать, прозвучало бы неубедительно. Столь же неубедительно звучит возражение, что точная настройка и высокая упорядоченность нашей вселенной не свидетельствуют о разумном замысле, поскольку законы природы метафизически необходимы и представляют собой грубые факты, а наша вселенная — единственная, которую мы можем наблюдать.

Безусловно, наука, изучающая точную настройку, будет развиваться и впредь, однако, что бы ни обнаружили ученые (например, какой-нибудь новый закон природы), все равно можно спросить, каким образом появился этот закон и почему он существует, почему точная настройка выглядит именно так, а не иначе. Базовая логика КК-ТА никуда не денется, и что бы ученые ни обнаружили в будущем, все равно должна существовать Первопричина обнаруженных фактов и явлений, а эта Первопричина, следуя дедуктивной логике КК-ТА, должна обладать либертарианской свободой и разумом (т. е. быть Творцом).

Таким образом, по мере развития науки будут появляться новые теории, объясняющие различные аспекты материального мира, но, как доказывает КК-ТА, они не смогут предложить ничего взамен Первопричины (Творца) в качестве объяснения уже того, почему материальный мир вообще существует. Следовательно, выводы из КК-ТА в принципе не могут быть опровергнуты будущими научными открытиями. Эти открытия лишь позволят нам еще лучше осознать мудрость Творца через понимание созданных Им законов.

Примечания

1. Haught, John. Darwin, Design and Divine Providence // *Debating Design*, ed. William Dembski and Michael Ruse (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), p. 238.
2. Carrier, Richard. *Fundamental Flaws in Mark Steiner's Challenge to Naturalism in The Applicability of Mathematics as a Philosophical Problem* (2003). URL: infidels.org/library/modern/richard_carrier/steiner.html.
3. Locke, Andrew T. *The Teleological and Kalām Cosmological Arguments Revisited* (Cham, Switzerland: Springer Nature, 2022).
4. Feser, Edward. *Five Proofs of the Existence of God* (San Francisco: Ignatius Press, 2017), p. 271.
5. Ratzsch, Del; Koperski, Jeffrey. Teleological Arguments for God's Existence // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. Edward N. Zalta (2019). URL: plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/teleologicalarguments/.
6. Frederick, Danny. 2013. A Puzzle About Natural Laws and the Existence of God // *International Journal for the Philosophy of Religion* 73:269–283.
7. Leslie, John. *Universes* (London: Routledge, 1989), с. 109.

Содержание статьи взято из книги Loke, Andrew. *The Teleological and Kalām Cosmological Arguments Revisited* (Cham, Switzerland: Springer Nature, 2022), которая находится в открытом доступе на сайте link.springer.com. Все права принадлежат автору.

Д-р Эндрю Лок — христианский богослов и философ сингапурского происхождения, адъюнкт-профессор кафедры религии и философии Гонконгского баптистского университета. Автор книг *God and Ultimate Origins* (Springer Nature), *Ultimate Design* (Springer Nature), *The Origins of Divine Christology* (Cambridge University Press), *A Kryptic Model of the Incarnation* (Routledge), *Investigating the Resurrection of Jesus Christ* (Routledge), а также научных статей в таких международных реферируемых журналах, как *Religious Studies* (Cambridge University Press) и *Journal of Theological Studies* (Oxford University Press).

ЧТО НОВОГО В ТЕКСТОЛОГИИ НОВОГО ЗАВЕТА?

Питер Гарри

Пасторы — занятые люди. Считается, что они должны поддерживать достаточный уровень знаний в целом ряде областей, от гомиластики до душепопечения, от составления бюджета до кропотливого исследования учения о Троице. Это немалый груз ответственности. В этой статье я хочу помочь занятым пасторам, познакомив их с последними достижениями новозаветной текстологии. Но сначала несколько слов о том, почему текстология важна.

Текстология — это научная дисциплина, которая стремится восстановить первоначальный текст документов, оригиналы которых утрачены. Поскольку ни один автограф Нового Завета не сохранился, и поскольку существующие копии расходятся друг с другом, все 27 книг требуют текстологического исследования. Мы не можем изучать, проповедовать и применять Писание, если не знаем, что в нем сказано, поэтому текстология — даже если мы об этом не догадываемся — играет важную роль в пасторском служении.

Итак, что же нового появилось в области текстологии?

Новые издания

Во-первых, в последние годы появилось несколько новых изданий Нового Завета на греческом языке. Самое свежее из них — *Tyndale House Greek New Testament* (THGNT). Это результат десяти с лишним лет труда группы ученых из библиотеки Tyndale House в Кембридже, одного из ведущих научных центров, которые занимаются библеистикой. Основное отличие нового издания заключается в «документальном» подходе составителей, которые придавали первостепенное значение рукописям. На практике это означает, что они пытались вос-

Д-р Питер Гарри

произвести не только текст самых ранних манускриптов, но и свойственное им деление на абзацы, правописание и даже использование знаков ударения. Иначе говоря, они отдали предпочтение минималистическому подходу, отказавшись от текстологических обозначений, подзаголовков и даже знаков переноса! Результат такой верстки идеально подходит для иммерсивного чтения («погружения» в текст) без отвлечения на общепринятое деление текста на части.

В 2012-2014 годах свет увидели еще две важные публикации — 28-е издание *Novum Testamentum Graece* Нестле-Аланда (NA) и 5-е издание Нового Завета на греческом языке Объединенных библейских обществ (UBS). Эти два издания давно зарекомендовали себя как научный стандарт и остаются таковым с точки зрения серьезного экзегетического исследования Нового Завета. В обоих изданиях использу-

ется один и тот же греческий текст, отличаются они главным образом объемом информации, представленной в аппарате разночтений. Самое важное отличие последних редакций NA и UBS заключается в методе, который редакторы использовали для выверки основного текста.

Работая над т. н. соборными посланиями (Иакова, 1 и 2 Петра, 1, 2 и 3 Иоанна, Иуды), редакторы воспользовались новой компьютерной методикой, чтобы оценить взаимосвязь между древними рукописями и сделать принимаемые редакторские решения более последовательными. Эта методика получила название Coherence-Based Genealogical Method (CBGM). Название, конечно, зубодробительное, однако сама методика позволила новозаветной текстологии сделать большой шаг вперед. В результате применения CBGM текст соборных посланий был изменен в 33 случаях, а в следующих изданиях ожидаются изменения в тексте книги Деяний.

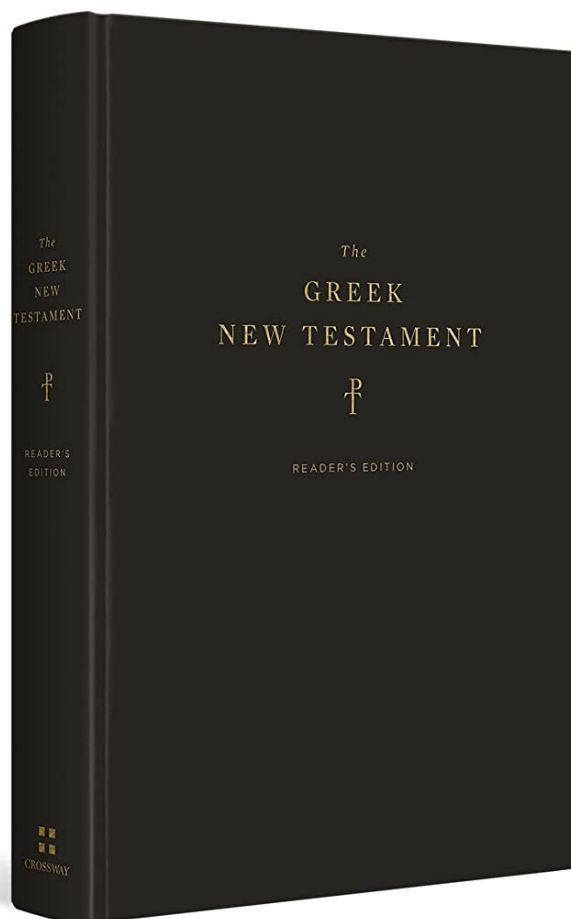
Если у вас есть одно из предыдущих изданий NA или UBS, и вы проповедуете на соборные послания, возможно, вам стоит приобрести новое издание, чтобы быть в курсе изменений. С другой стороны, вновь изданный *Tyndale House Greek New Testament* может стать замечательным способом по-новому взглянуть на знакомые греческие тексты.

Новый метод

Метод CBGM развивается с начала 1980-х годов, однако его результаты стали доступны для всех лишь в последние пять лет. Он не отличается простотой, но, по существу, использует возможности компьютерной техники и огромный прогресс в наших знаниях о новозаветных рукописях, чтобы помочь библеистам принимать более здравые и последовательные текстологические решения.

Смысл метода в том, чтобы решать конкретные текстологические проблемы, исходя из общих связей между текстами. Например, если компьютер показывает, что в двух очень отдаленно связанных между собой рукописях присутствует один и тот же вариант чтения, это позволяет предположить, что данное чтение было привнесено двумя переписчиками независимо друг от друга. А это, в свою очередь, позволяет предположить, что данное чтение отсутствовало в первоисточнике.

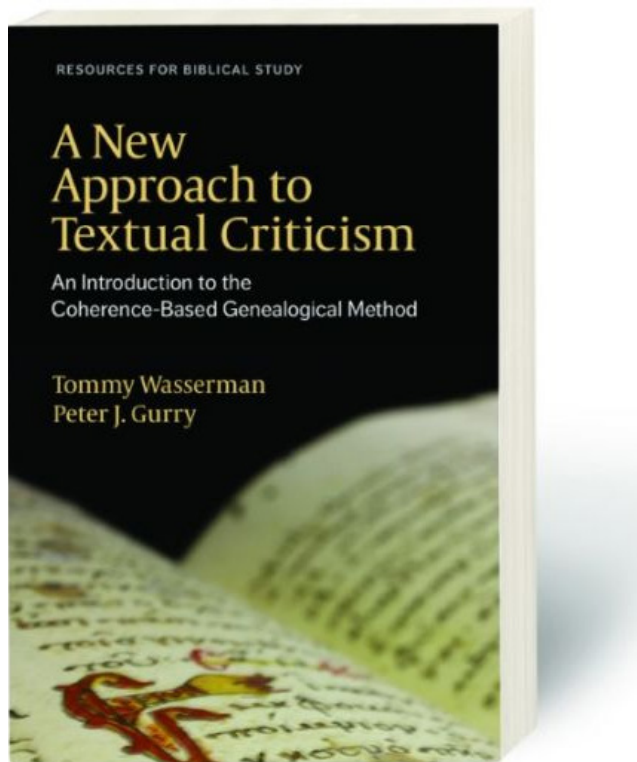
Кроме того, CBGM помогает нам в целом понять многовековую историю копирования новозаветного текста. И это тоже способствует уточнению или подтверждению существующего текста.

К настоящему моменту этот метод уже использован для тщательного исследования соборных посланий, а в последнее время и книги Деяний. Результаты доступны в сети Интернет. Итогом исследований стали 54 изменения в тексте Деяний и 34 изменения в тексте соборных посланий. Большинство из них никак не отразится на переводах Писания, а тем более на христианском богословии. Однако некоторые значимы.

Самое важное изменение, на мой взгляд, присутствует во 2 Петра 3:10, где в NA28 и UBS5 теперь говорится: $\eta\eta\ \kappa\alpha\iota\ \tau\grave{\alpha}\ \acute{\epsilon}\nu\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \xi\rho\upsilon\alpha\ \omicron\upsilon\chi\ \epsilon\upsilon\delta\rho\epsilon\theta\acute{\iota}\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$. Вставка частицы $\omicron\upsilon\chi$, которой прежде в тексте не было, несомненно, важна. Но что еще важнее, такое чтение не подтверждается ни одной из известных нам греческих рукописей, и это вызывает серьезные сомнения в его достоверности. Стоит отметить, что данное изменение уже отражено в переводе CSB (*Christian Standard Bible*) и вполне может быть учтено в очередной редакции NRSV (*New Revised Standard Version*).

Но столь же важны для пастора доказательства того, насколько качественно в целом копировали текст Нового Завета, которые дает CBGM. Безусловно, в наших новозаветных рукописях присутствует множество разночтений —

возможно, полмиллиона. Большинство из них тривиальны или легко разрешаются, а в свете того, сколько раз книги Нового Завета были переписаны, впечатляет то, как добросовестно переписчики подходили к работе. Появление CBGM дает нам беспримерную возможность оценить их добросовестность количественно.

Например, две рукописи соборных посланий тождественны в 99,1% мест, где в 123 рукописях этих посланий, которые включены в CBGM, присутствуют какие-либо разночтения. Сравнение 2859 фрагментов показывает, что они расходятся не более чем в 27 случаях. В среднем тождество любых двух пар рукописей составляет 87,6%. И это тоже впечатляет. Ситуация с книгой Деяний аналогична.

Новые данные показывают, насколько в действительности абсурдны некоторые распространенные заявления о Библии. Так, несколько лет назад в передовице журнала *Newsweek* появилось заявление, что мы с вами вовсе никогда не читали Библию, потому что «в лучшем случае мы все читали плохой перевод — перевод перевода перевода рукописных копий, сделанных с копий копий, и так сотни раз». Трудно не прийти к выводу, что Библии доверять нельзя.

На самом же деле, благодаря добросовестности переписчиков, большинство из нас на протяжении 2000 лет читало, по существу, один и тот же греческий Новый Завет. И совре-

менная текстология не только не разрушает веру, но даже укрепляет ее. Даже Маркус Борг — библеист-новозаветник, далекий от евангелического христианства — писал: «За несколькими мелкими исключениями мы можем быть уверены, что Евангелия и Новый Завет в целом достоверно доносят до нас то, что было первоначально написано».

Да, в результате дальнейших исследований выбор конкретных слов в некоторых случаях может измениться, и сложные текстологические вопросы никуда не делись. Однако благодаря общей добросовестности, которую переписчики проявляли на протяжении 1500, вкуче с титаническими усилиями текстологов, мы можем быть уверены, что греческого текста, представленного в современных изданиях и переводах, более чем достаточно для подкрепления нашей уверенности в новозаветных свидетельствах об Иисусе Христе. Появление таких передовых методов, как CBGM, показало это с такой очевидностью, как никогда в прошлом.

Новые ресурсы

Теперь следует упомянуть о новых ресурсах. Многие из них стали доступны благодаря усилиям различных организаций и возможностям коммуникации, которые открыл Интернет. Можно было бы рассказать о многом, но позвольте мне ограничиться тремя пунктами.

Прежде всего, цифровые изображения. В последние 10 лет резко увеличилось количество цифровых копий манускриптов, которые можно бесплатно найти в Сети. Центр изучения новозаветных рукописей (The Center for the Study of New Testament Manuscripts, CSNTM) — одна из организаций, которые усердно оцифровывают библейские рукописи по всему миру. При любой возможности они выкладывают изображения бесплатно на своем сайте csntm.org. Весьма полезна функция поиска, которая позволяет искать рукописи по ключевым словам или номерам стихов и сортировать их по различным признакам.

Если вы читаете лекции по одному из Евангелий, почему бы не познакомить ваших слушателей с манускриптом P45, одной из самых ранних копий Четвероевангелия и книги Деяний? Или, если вы разбираете в церкви Послание к ефессянам, покажите слушателям рукопись P46, одну из самых ранних копий посланий Павла, где в стихе 1:1 нет слов «в Ефесе», однако текст все равно озаглавлен «К ефессянам». Или удивите их чудесными картин-

ками, украшающими страницы GA 808 — редкого полного экземпляра Нового Завета, датируемого XIII-XIV веками.

Наряду с CSNTM оцифровывают манускрипты и выкладывают их в Сеть крупнейшие библиотеки мира. Теперь вы можете, не покидая квартиры, изучить Ватиканский кодекс, хранящийся в Ватикане, палимпсест *Codex Ephraemi Rescriptus* во Французской национальной библиотеке, Кодекс Безы в Британской библиотеке или знаменитый Синайский кодекс целиком — раньше это было невозможно, поскольку рукопись разделена на части и хранится в четырех разных местах. И все это лишь верхушка цифрового айсберга.

Разглядывать эти удивительные материалы в Сети невероятно интересно, но отыскать их может быть непросто, если вы не знаете, что именно искать. И это подводит нас ко второму ресурсу, о котором я хотел бы упомянуть: New Testament Virtual Manuscript Room или NT.VMR.

С простибельной гордостью могу сказать, что NT.VMR была во многом задумана и по сей день разрабатывается выпускником нашей семинарии Троем Гриффитсом. Трой сыграл важную роль в создании этого великолепного ресурса, который уже стал незаменимым в академических текстологических исследованиях.

На сайте NT.VMR вы найдете официальный список всех новозаветных рукописей, рассмотреть фотографии многих из них, свериться с научными расшифровками их текста, ознакомиться с историей научных теорий относительно новозаветного текста, обсудить все это с другими пользователями, и это далеко не все. NT.VMR очень богатый ресурс, и ценность его только возрастает.

Последняя категория ресурсов, которую я бы хотел упомянуть, возвращает нас к началу статьи, где я упомянул о нескольких новых изданиях греческого текста Нового Завета. В идеале вам стоит приобрести их печатные копии, поскольку каждое из них сопровождается подробнейшим аппаратом разночтений. Но если вам нужен только текст для чтения или изучения, все они уже доступны онлайн.

Текст издания Tyndale House можно найти на сайтах esv.org/gnt или stepbible.org, он сопровождается словарем и пособием по анализу.

Текст NA28/UBS5 тоже можно найти на сайте nestle-aland.com/en/read-na28-online — только без справочных материалов. Эти бесплатные цифровые копии будут полезны, если вы далеко от своей библиотеки, или если вам нужно скопировать и вставить какой-то отрывок в свой конспект для последующего диаграммирования, цветовой маркировки и т. п.

Заключение

В заключение о новых достижениях в области новозаветной библеистики можно сказать две вещи. Во-первых, Библия, которую мы сегодня держим в руках — будь то на иврите или на греческом языке — опирается на прочное двойное основание в целом качественной передачи текста и великолепного научного изучения этого процесса. Поэтому мы можем без колебаний пользоваться имеющимися изданиями для проповеди и преподавания, даже если какие-то отдельные фрагменты в них отмечены как затруднительные.

Во-вторых, исследования Нового Завета и того, как он дошел до наших дней, сегодня развиваются в новых и многообещающих направлениях. Новые публикации, новый метод и новые ресурсы, упомянутые в данной статье, позволяют нам соприкоснуться с историей Божьего слова так, как это было немыслимо еще какое-то поколение назад.

Говоря словами одного текстолога, жившего в XIX веке, «невозможно безразлично относиться к тому, каким образом Новый Завет... дошел до нас, смотреть на рукописи, в которых наши отцы находили слова жизни, проследить восхитительную историю переводов, благодаря которым апостольское учение стало доступно людям, говорящим на других языках». Давайте же с усердием изучать удивительную историю Божьей книги и делиться ею с Божьим народом.

Оригинал статьи опубликован на сайте
Семинарии Финикса (www.pbs.edu).

Все права принадлежат автору.

Руководитель проекта Павел Столяров
Редактор Дмитрий Розет

Почта: 191186, Россия, СПб., а/я 100
Веб-страница: www.apologetika.ru
E-mail: Russia@apologetika.ru